

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

АЛЕКСЕЙ
КУНГУРОВ

КИЕВСКОЙ РУСИ НЕ БЫЛО

О ЧЁМ МОЛЧАТ ИСТОРИКИ

Исторические открытия

Алексей Кунгуров

**Киевской Руси не было.
О чём молчат историки**

«Алгоритм»

2015

Кунгуров А. А.

Киевской Руси не было. О чём молчат историки /

А. А. Кунгуров — «Алгоритм», 2015 — (Исторические открытия)

Насколько то, что вы учили в школе на уроках истории, соответствует истине? А что, если история переписывалась уже не раз – при смене царствующих династий, политических режимов, во время революций? Что, если факты, изложенные в летописях и учебниках, искажены и прошлое было совсем иным? Автор задался этими вопросами. И сделал сногшибательный вывод: Киевской Руси не было! А что же было вместо нее? Ответ на этот вопрос вы узнаете, прочитав эту книгу.

© Кунгуров А. А., 2015

© Алгоритм, 2015

Содержание

Что такое история	6
Победить русских нельзя	11
Трудно ли создать нацию?	23
«Отрекаюсь от русской народности...»	29
Кто придумал украинцев?	42
Даешь украинизацию!	52
Украинский учебник истории создает киборгов	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Алексей Кунгуров Киевской Руси не было: о чём молчат историки

© Кунгуров, 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

*Люди ни во что не верят столь твердо, как в то, о чем они меньше
всего знают.*

Мишель Монтень

Что такое история

История – понятие тройственное. Историей мы называем цепь взаимосвязанных событий во времени и пространстве; историей зовется наука, изучающая прошлое человечества; но куда большее значение имеет история, как комплекс представлений о прошлом, присутствующий в массовом сознании. В итоге произошедшие в реальности события получают как бы два фантомных отображения – научно-документальное и мифологическое, укорененное в умах людей, причем обе версии зачастую сильно искажают реальность и даже существуют вне связи друг с другом.

Если же речь идет о древней истории, то дело еще более осложняется, поскольку документы (письменные источники) либо не сохранились, либо в них отражены мифологические представления о прошлом, зафиксированные несколькими веками позднее авторами, знавшими о них лишь понаслышке. Достоверны ли события, описываемые в «Повести временных лет» или мы имеем дело с древнерусскими мифами? Мифы Древней Греции всем известны, так почему бы не быть литературным мифам Древней Руси? Разве гомеровская «Одиссея» может служить документальным источником по истории троянской войны (если таковая война вообще была)? Почему же тогда «Слово о полку Игореве» историки считают литературным изложением реальных событий?

Кстати, «Слово о полку Игореве» документ в высшей степени сомнительный. Найден список был в 1795 г. известным собирателем старины графом Мусиным-Пушкиным в ярославском Спасо-Преображенском монастыре. Нам текст известен в трех списках, весьма отличных друг от друга. Оригинальная находка якобы погибла во время московского пожара 1812 г. Следует особо подчеркнуть, что сохранившиеся варианты текста являются художественными переводами, а не буквальным воспроизведением документа. Некоторые исследователи, опираясь на словесные (!) описания видевших исходный список, склоняются к мысли, что рукопись была сделана в XVI столетии. Об авторе произведения ничего не известно. Какие основания считать это сочинение памятником русской литературы XII века?

Практически сразу после первой публикации «Слова» в 1800 г. пошли разговоры о том, что сочинение является мистификацией XVIII в. Критики приписывали авторство самому первооткрывателю Мусину-Пушкину, архимандриту Иоилу Быковскому, историку Николаю Бантыш-Каменскому и еще ряду персон. Несколько лет назад американский славист Эдвард Кинан выдвинул гипотезу, согласно которой «Слово» сочинено чешским филологом и просветителем Йозефом Добровским.

Главным доказательством подлинности «Слова» стала публикация в 1852 г. литературоведом Вуколом Ундольским «Задонщины» – повествования XV в. о Куликовской битве. «Задонщина» связана со «Словом о полку Игореве» вплоть до заимствования целых пассажей. Отдельные ее выражения, образы, целые фразы повторяли и переделывали соответствующие обороты «Слова», применяя их к рассказу о победе князя Дмитрия на Куликовом поле. По моему, если этот факт на что-то и указывает, так именно на мистификацию «Слова».

Дело в том, что древние рукописи доходят до нас не в оригинале, а в списках, иногда очень многочисленных и всегда имеющих большие или меньшие отличия от исходного текста. Каждый список начинает жить своей собственной жизнью, являясь как образцом для подражания, так и материалом для компиляций. На сегодняшний день известны шесть списков «Задонщины», датированные XV–XVII вв. Подлог в данном случае маловероятен. А «Слово о полку Игореве» существовало в одном единственном списке, о котором мы сегодня знаем лишь понаслышке, ибо никому не пришлось почему-то в голову снять с него копию. Нигде кроме как в «Задонщине» произведение не цитируется. Ни единого аналога во всей древней литературе

мы не находим. По единодушному мнению исследователей «Слово» является уникальным во всех отношениях памятником словесности, не имеющим аналогов.

Странная получается картина, если верить официальной точке зрения. Безвестный и условно гениальный автор составил яркое сказание в XII столетии, которое в последующие три столетия не оставило после себя никаких следов. Потом оно попало на глаза автору «Задонщины» и тот, почитая его за канонический образец, позаимствовал целые куски в своем сочинении «Задонщина великого князя господина Дмитрия Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича». При этом мы наблюдаем довольно удивительную вещь: стиль «Задонщины», не смотря на сложившиеся к тому времени традиции письменной речи, куда более архаический, эклектичный, менее изящный, нежели у сочинения трехвековой давности. После «Слово» опять уходит в небытие, пока счастливо не отыскивается Мусиным-Пушкиным. Тот переложил сказание на понятный современникам язык, после чего единственный (!) памятник светской литературы XII в. утрачивается навсегда при невыясненных обстоятельствах. Никаких списков «Слова» до сих пор не найдено.

Куда вероятнее иная версия. Хороший знаток словесности в конце XVIII столетия находит один или несколько списков «Задонщины» (они весьма отличны друг от друга) и взяв за образец, создает стилизацию под средневековый поэтический эпос, красочно описав поход князя Игоря на половцев, который был известен сочинителю по «Российской истории» Татищева. XVIII–XIX вв. – это время, когда вследствие широкого распространения грамотности и возросшего интереса к старине возникает целая индустрия создания подделок под древность. В основном подделывали то, что можно было с выгодой продать, прежде всего, произведения изобразительного искусства, но, несмотря на сложность фальсификации древних письменных источников, фабриковали и их. Но чаще всего не с целью наживы, а по мотивам политическим или идеологическим.

Предположение о поддельности «Слова» исчерпывающе объясняет и то, что оно не оставило в русской словесности за 600 лет никаких следов, и то, что оригинал рукописи таинственно исчез, и то, что нам не известен язык оригинала (существуют, напомню, лишь предположения, что найденная Мусиным-Пушкиным рукопись составлена писцом XVI столетия). В таком случае понятно, почему данное сочинение являет собой уникальный письменный памятник, не имеющий аналогов. Противники версии о фальсификации иногда приводят очень смешной аргумент: мол, ни Мусин-Пушкин, ни кто-то иной из его современников просто не мог владеть литературным русским языком XI в. Конечно, не мог. Только поэтому «оригинал» до нас и не дошел, мы знаем «Слово» лишь в переложении на современный язык.

На чем же базируется официальная версия? Исключительно на авторитете «ученых». Поскольку профессора и академики пришли к мнению, что именно «Слово» взято за образец сочинителем «Задонщины», а не наоборот, то все остальные мнения следует считать в корне неверными и антинаучными. Я, конечно, всей душой за то, чтобы верить «ученым»-историкам, но не могу, поскольку знаю, насколько это брехливое и нетерпимое к малейшей критике племя. Что любят «ученые»-историки? Награды, звания, проявления почтения к своей персоне, многие очень любят деньги, некоторые очень тщеславны, иных хлебом не корми – дай только поучить других. Историки очень разные, и меж собой они грызутся порой, словно свора собак (если издать все доносы в органы, что эти деятели настроили друг на друга в 20–30-е годы, получится том толще марксова «Капитала»). Но абсолютно точно могу сказать, что не любят все без исключения историки. Больше всего на свете они не любят неудобных вопросов. Не любят и **ОЧЕНЬ БОЯТСЯ**.

Попробуйте задать доктору исторических наук вопрос о том, почему он считает, будто Куликовская битва имела место быть возле впадения реки Калки в Дон. В лучшем случае он, помявшись, сошлетесь на сочинение своего предшественника, где написано именно так, а не иначе. Тогда задайте ему совершенно убийственный вопрос: какие существуют доказательства

истинности этой версии? В ответ вы услышите множество слов, в которых не будет никакого смысла, но удовлетворить свое любопытство не сможете. Зато вы поймете, что означает образное выражение «вертеться ужом». Но как виртуозно ни изворачиваются историки, уходя от неудобных вопросов, убедительности их концепциям это не добавляет.

Уже не одно десятилетие археологи перекапывают Куликово поле. Но ни малейших следов большого сражения так и не нашли. Им бы признать свою ошибку, да поискать следы побоища в другом месте. Но нет, НИКОГДА историки не признают ошибочность даже самых бредовых своих доктрин. Когда же эта ошибочность станет совершенно очевидна, они просто перестанут упоминать то, о чем с таким апломбом вешали ранее. Беда в том, что желающих уличить историков в профанации науки немного. А если таковые и находятся, то их долго и безжалостно клюет, топчет и плевыкает все «научное сообщество». История – это не наука, история – это религия, а историки – жрецы культа. Всякое сомнение в истинности их догмата – есть опаснейшая ересь, каковую надо искоренять со всей решительностью. И искореняют, причем иногда не саму ересь, а еретика. В «просвещенной» Европе сегодня на кострах никого не сжигают, но угодить в тюрьму можно всего лишь усомнившись вслух о том, что в Освенциме злобные нацисты уничтожили миллион добрых евреев.

Обсуждать вопрос о том, сколько в лагерях перемерло с голоду пленных красноармейцев, можно, а касаться еврейской темы не моги! «Ученые» уже точно подсчитали, что Гитлер извел зря в газовых камерах шесть миллионов еврейских душ, тела сжег в печах, пепел развеял по ветру, кости перемолол в муку и использовал в качестве удобрения на полях рейха, из еврейской кожи понаделал дамских ридикюлей, а из вытопленного (в печах?) еврейского жира сварил мыло. За каждого невинно убиенного представителя богоизбранной нации Германия поныне платит Израилю ежегодную дань. И будет платить до тех пор, пока оболваненный немецкий обыватель верит в миф о Холокосте.

Миф этот весьма полезен израильтянам не только финансово, но политически. Стоит только их упрекнуть в том, что они угнетают в Палестине арабских аборигенов, так тут же поднимется вой о том, что иудеи есть самый угнетаемый народ на планете Земля в течение столетий, и что за право обладания маленьким клочком земли на Ближнем Востоке они заплатили шесть миллионов жизней. Все культурные люди должны это понимать и испытывать комплекс неизбывной вины перед сынами Авраамовыми, а ежели дикие арабы этого не понимают и швыряют камни в полицейских, то надо их проучить по всей строгости с помощью ракет класса «воздух-земля». Короче, за все свои грехи евреи уже заплатили великим жертвоприношением в мифических газовых камерах Освенцима, и теперь могут творить у себя дома и у соседей любой беспредел. Вот такая история с географией.

Что касается Куликовской битвы, то сомневаться в официальной ее версии вроде бы можно без боязни оказаться на тюремной шконке, но всякое сомнение нежелательно и даже вредно. А скоро оно будет восприниматься, как антигосударственные происки. Потому что великий и мудрый президент всея Руси подписал указ о том, чтобы праздновать день 8 сентября и преисполняться имперской гордостью. Под это дело выделен кое-какой бюджетец. Ну, там, снять очередной тупой ура-патриотический фильм, поставить помпезный монумент на том самом Куликовом поле, издать десяток апологетических книжонок или устроить какое-нибудь массовое гулянье с салютом и выпивкой в честь 630-летнего юбилея битвы, который уже на носу. «Ученые»-историки в нетерпении потирают потные ручонки, предвкушая денежки на археологические экспедиции и написание книжек, они жаждут получить премии, гонорары и научные звания. Как они отнесутся к поганым ревизионистам, которые попытаются обломать им кайф своими неудобными вопросами? Догадаться несложно.

Итак, даже самый беглый взгляд на «общеизвестные» исторические факты заставляет усомниться в том, что мы имеем дело именно с фактами, а не мифами. И если доказательств подлинности того же «Слова о полку Игореве» не существует, то мы должны рассматривать

две основные вероятности – то что перед нами гениальное сочинение древнего летописца в переводе Мусина-Пушкина и то, что это ловкая стилизация под старину, выполненная в XVIII столетии. Вторая вероятность более правдоподобна, нежели первая. По поводу локализации Куликовской битвы существует как минимум две версии – официальная, основанная на вере в исторический догмат, и альтернативная, изложенная группой академика Фоменко в рамках его концепции Новой хронологии. Причем фоменковская гипотеза о том, что битва состоялась на Куличковом поле на территории нынешней Москвы имеет десятки подтверждений следующего характера:

- текстологических (согласуется с содержанием «Задонщины»);
- топографических (местность удобна для сражения в отличие от курского Куликова поля, на котором большое войско просто не поместится);
- топонимических (названия улиц, монастырей, сел, холмов и т. д. несут в себе отражение минувшей баталии);
- археологических (обнаружены массовые воинские захоронения).

Выходит, что древняя история является ВАРИАТИВНОЙ. Да, да, какой бы чудовищной крамолой сия мысль не выглядела с точки зрения академической науки, утверждающей, будто единственно верная концепция прошлого человечества уже выстроена и уточнению подлежат лишь мелкие детали. Например, историки спорят о том, когда было написано «Слово о полку Игореве» – через два года после похода на половцев или через десять лет.

Но официальная историческая наука не является наукой. Наука – это, прежде всего, метод. Если метод заменяется шулерскими приемчиками, то историческая наука превращается в словоблудие, манипуляцию, орудие оболванивания масс. Что лежит в основе любого научного метода? Логика! Любую историческую гипотезу следует проверять с помощью логики. В реальной жизни любой человек старается действовать рационально. В исторической же реальности мы находим образцы чудовищной иррациональности. Вот элементарный пример.

Мамай идет на Москву. Зачем Дмитрию Донскому идти навстречу супостату аж на Дон? Любой переход изматывает войско, коней, истощает запас провианта, фуража, происходят неизбежные потери (болезни, дезертирство). Дальний поход требует собирать обоз, потеря которого чревата полным поражением даже без сражения. Любой грамотный полководец, если цель противника ему известна, должен был выслать вперед разведчиков и летучие диверсионные отряды, которые станут отравлять колодцы перед войском неприятеля и сжигать посевы. Сам же князь Дмитрий по идее должен сделать Москву своей главной базой и стягивать туда резервы, заниматься формированием и обучением войск, рекогносцировкой местности. Следовало выбрать место для битвы и ждать на нем врага, который подойдет к месту сечи измотанный и морально подавленный, вынужденный действовать в отрыве от своих баз на незнакомой территории, без возможности пополнения припасов, не имея резерва.

Совершенно безумный с точки зрения азав стратегии поход князя Дмитрия за Дон историки объясняют тем, что он, таким образом, срывал объединение Мамай с его союзником литовским великим князем Ягайло. Но чем тогда можно объяснить то, что, согласно общепринятой версии, Мамай три недели стоял лагерем в верховьях Дона, не пытаясь идти навстречу Ягайло, хотя за это время он мог дойти до самой Литвы? Неужели Мамай был еще более безумен, чем князь Дмитрий, который, идя навстречу одному врагу, поворачивался спиной к другому и оставлял беззащитной свою столицу? И почему ничего не известно о каких-либо действиях литовцев? На каком вообще основании Ягайло объявлен врагом Дмитрия, если известно, что два его родных брата пришли со своими полками биться с Мамаем под началом московского князя?

С точки зрения официальной исторической доктрины иррационализм поступков Мамай и Дмитрия не может быть объяснен, следовательно, версия о битве на Куликовом поле в Курской области не только не имеет никаких вещественных доказательств, но и совершенно

абсурдна сама по себе. Если же проанализировать версию Фоменко, то отказать ей в рациональности мы не сможем. Князь Дмитрий не идет к черту на кулички для схватки, а поджидает супостата у себя дома, где, как известно, и стены помогают. Непосредственно перед битвой русское войско переходит реку и выстраивается на Куликовом поле (исторический район Москвы – Кулички). Откуда пошло само название «Задонщина»? Согласно гипотезе академика Фоменко, оно буквально означает «поход за реку», поскольку «доном» по старорусски именовали вообще всякую реку. После битвы на месте победители хоронят в братских могилах павших. По традиции, в память о битве возле воинских могил основываются монастыри и церкви, многие из которых сохранились до наших дней и в самих своих названиях донесли отзвуки той громкой победы.

В рамках концепции вариативной истории мы не будем начисто отметать общепринятую концепцию Куликовской битвы и не станем абсолютизировать гипотезу сторонников Новой хронологии, объявлять ее единственно верной и непогрешимой. Но беспристрастно оценив обе версии вынуждены будем признать, что одна из них выглядит совершенно надуманной, нелогичной, иррациональной и маловероятной, в то время как другая правдоподобна и очень вероятна. **ВЕРОЯТНОСТЬ** – вот главный критерий вариативной истории. Установленные факты, письменные источники, археологические находки (равно как и их отсутствие) в данном случае будут не доказательствами истинности той или иной концепции, а аргументами в пользу вероятности или невероятности рассматриваемого события. Вариантов (гипотез) может быть много, но наиболее вероятной следует считать ту реконструкцию событий, которая обладает наибольшей логичностью, непротиворечивостью, рациональностью.

Можно ли путем перебора вариантов исторической реальности, отбрасывая варианты невероятные и маловероятные, установить истину? Теоретически да. Наиболее непротиворечивая версия, с которой наиболее полно будут согласовываться все известные факты, является наиболее близкой к истине. Если же все факты идеально укладываются в логическую цепочку и в процессе их анализа не возникает никаких противоречий, то это указывает на то, что нам удалось попасть в точку. Но когда дело касается древней истории, то это, повторюсь, возможно лишь теоретически, ибо по причине слишком слабой фактологической базы нам так или иначе придется домысливать события, что неизбежно привносит в рассуждения определенную погрешность.

Победить русских нельзя Поэтому надо уничтожить

Есть ли какой-то практический смысл в умении умозрительно реконструировать события прошлого? Есть, и переоценить его значение очень сложно. История – это не только научная дисциплина, но и оружие.

Воевать тяжело. Солдату на поле боя нужен очень мощный стимул, чтобы подвергать свою жизнь опасности. Способность выдерживать потери, готовность переносить напряжение боя, сохраняя волю к борьбе в самой неблагоприятной обстановке, называют моральной упругостью войск. Можно вооружить армию самым современным и дорогостоящим оружием, снабдить всеми необходимыми припасами, платить солдатам большое жалованье, а офицеров осыпать наградами. Но это воинство потерпит поражение от босоногих партизан, вооруженных дедовскими винтовками и крестьянскими вилами, если в сознании солдат не будет уверенности в необходимости сражаться, если они не понимают целей войны, в которой участвуют. Нежелание воевать приводит к тому, что солдат в любой ситуации старается уклониться от боя, ведет себя пассивно. И наоборот, их противник, вооруженный мощной идеей, мобилизующий все его сознание на борьбу, активно ищет возможности сразиться, компенсируя слабость своего оружия продуманной тактикой, смелостью или даже фанатичностью.

Практика войн показывает, что одним из мощнейших мобилизующих факторов является массовое историческое сознание. Например, у поляков ни в 1830 г., ни в 1863 г. не было никаких видимых причин для восстания против России, ибо они не только не подвергались какой-либо дискриминации, но даже имели большие преимущества перед прочими жителями Российской империи. Разгадку этого феномена следует искать в специфике польского самосознания, одной из особенностей которого было сознание мессианской исторической роли польского народа, носителя истинных ценностей западной цивилизации. Поляки воспринимали себя как рыцарей Запада, противостоящих вечной варварской угрозе с Востока. Конечно, участники шляхетских восстаний не были поголовно глупыми идеалистами, их в первую очередь интересовали земли и рабы, но ни одно восстание не возможно без мощной идеологической базы. Польская историография, польская система образования, сохранившаяся и даже развившаяся в эпоху российского владычества, сформировала эту самую идеологическую базу. Благодаря ей же в XX в. Польша смогла возродиться, собрав вокруг своего ядра – губерний Царства Польского в составе России – сильно онемеченные земли Малопольши, Силезии и Померании, а так же Галицию, Вольшынь, Подолию, Полесье.

Не зная истории государства, против которого воюешь, невозможно выработать эффективную стратегию. Хорошо помню, какие пессимистические прогнозы давали наши военные «эксперты» относительно американской интервенции в Ирак в 2003 г. Общий тон их заявлений сводился к тому, что янки вляпаются во второй Вьетнам – затяжную, кровавую и непопулярную в обществе кампанию. Я же был уверен, что мы станем свидетелями блицкрига, а потери у американцев будут чисто символическими. Дело в том, что военные «эксперты» оценивали военный потенциал Ирака, пересчитывая количество пушек и боевых самолетов по обе стороны фронта. Если иракская армия гипотетически способна нанести интервентам чувствительные потери в живой силе, то это, по их мнению, сделало бы для США, чья армия традиционно очень чувствительна к потерям, невозможным быстро завершить разгром Саддама. Затягивание кампании привело бы к еще большему падению боевого духа войск, к еще большим потерям, к массовым антивоенным демонстрациям в Америке, росту исламской солидарности с арабами и т. д.

Все это усугубится ростом мировых цен на нефть – подпевали военным «экспертам» «эксперты» экономические – и потому война для США потеряет всякий рациональный смысл. Волна антиамериканизма прокатится по всему миру, Вашингтон потерпит политическое фиаско – голосили «эксперты»-политологи. Все эти глашатаи конфузливо замолчали через считанные дни после начала операции «Иракская свобода». Америка одержала одну из своих самых эффективных побед. Что удивительно, даже нефтяные цены во время горячей фазы операции не подскочили.

Почему я не верил многочисленным «экспертам»? Потому что видел, насколько хорошо американцы подготовились к этой войне. Не только технически, но морально и идеологически. К войне была подготовлена не только армия, но и весь народ Америки. 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке было совершено самое зрелищное массовое убийство за всю историю человечества. Если вы думаете, что башни ВТЦ обрушили террористы-смертники, угнавшие два пассажирских самолета, то советую обратиться к учебнику физики за 6–7 класс средней школы и постараться ответить хотя бы на эти два вопроса:

– могло ли горящее авиационное топливо расплавить стальные ванты, скрепляющие конструкцию башен, если сталь плавится при 1500 °С, а температура горения керосина около 800 °С?

– могли ли гигантские башни-близнецы разрушиться под собственным весом за 10–15 секунд, то есть со скоростью свободного падения?

Подобных вопросов существуют десятки, и в совокупности они не оставляют камня на камне от официальной версии американского правительства о злодейском теракте, совершенном анонимными арабскими камикадзе без всякой цели и мотива. На деле мы имеем дело с операцией спецслужб, совершенной по схеме, давно уже ставшей классической. Американцы вообще почти все свои войны начинали с нападения на самих себя. Зачем же они убили 11 сентября три тысячи добропорядочных американцев? Как ни парадоксально это покажется, из соображений гуманности. Американская элита пришла к твердому убеждению, что в интересах США (или в ее собственных интересах, что в данном случае одно и то же) начать серию локальных войн в Третьем мире. Если же воевать, то всерьез. Плохо подготовленная война действительно обернется вторым Вьетнамом. Нужно сделать так, чтобы общество поддержало войну за океаном, с энтузиазмом посылало на нее солдат, а те в свою очередь должны быть свято убеждены, что в иракских пустынях или афганских горах они охраняют мирный сон своих сограждан.

Исключительно ради этого и был организован небольшой кровавый спектакль на Манхеттене. Чтоб, как говорится, «ярость благородная вскипала как волна...» и чтоб «строчил пулеметчик за синий платочек...». А гуманность здесь вот в чем. Начни Америка по воле своего правительства войну 10 сентября 2001 г., общественной поддержки ее добиться было бы очень сложно. Желающих воевать нашлось бы мало, в армию молодежь пришлось бы на аркане затаскивать. Солдаты, конечно, отправились бы воевать по приказу, но без всякого энтузиазма. В итоге, действительно, получился бы еще один Вьетнам – 57 тысяч трупов, десятки тысяч калек, сотни тысяч психически травмированных ветеранов, так и не понявших, ради чего они выжигали напалмом вьетнамские деревни. А так убийство трех тысяч человек позволило спасти жизни десятков тысяч. Правда, высокий моральный дух американских вояк обернулся тем, что они без всяких сомнений своими высокоточными бомбами разорвали в клочья примерно миллион мирных иракцев. Но это уже обратная сторона гуманности американского правительства по отношению к собственным гражданам. Американцы научились воевать практически без потерь со своей стороны, а потери противника их совершенно не беспокоят.

То, что последовало за 11 сентября 2001 г., было массивной обработкой сознания американского обывателя. Радио, телевидение, газеты, Интернет, кино, комиксы – все средства воздействия на разум были использованы для того, чтобы внушить жителям самой «сво-

бодной» страны в мире, что отныне всем и каждому угрожает страшнейший враг за всю историю США – международный терроризм. Во имя победы над ним никакие жертвы не будут большими. Через полтора года тотальной промывки мозгов всякий американский морпех был свято убежден, что убивая афганских и иракских детишек, он делает благое дело, спасая своих собственных детей. Ведь это не просто афганские дети, а будущие террористы, которые рождаются и живут с одной лишь целью – убить как можно больше свободолюбивых американцев.

Великая мистификация 11 сентября 2001 г. стала в каком-то роде новым словом в проведении военно-пропагандистских операций. Впервые пропаганда строилась не на тенденциозной трактовке реального исторического события, а на фабрикации самого исторического события. Зыбкость прошлого перешла в новое качество, зыбким сделалось настоящее. Это стало возможным потому, что среднестатистический американец вообще не имеет исторического сознания, оно в значительной степени стерилизовано за последние десятилетия. Это делает психику человека незащищенной перед манипулятивным воздействием. Американского обывателя с помощью медиа можно убедить в чем угодно, внушить что угодно.

Но идейно и психологически подготовить к войне собственных солдат и обеспечить благожелательное отношение к войне мирового общественного мнения – это лишь полдела. Надо еще деморализовать солдат противника. Янки в Ираке справились и с этой задачей. Правда, американцы не имели возможности воздействовать на всю иракскую армию, а ограничились тем, что склонили к предательству верхушку саддамовской армии. После того, как иракцы успешно отбили первую атаку интервентов на Багдад, их армия просто исчезла, буквально растворилась – поэтому не было официальной капитуляции, лагерей военнопленных и т. д. Американцы без всякого сопротивления заняли Багдад и поставили у власти марионеточный режим. А их предыдущая неудача видимо объяснялась тем, что не все иракские части получили приказ о прекращении сопротивления, либо отдельные командиры отказались выполнять его. Как именно удалось американцам склонить к предательству иракский генералитет, неизвестно, но факт предательства налицо.

Армия Ирака перестала существовать, но остался иракский народ. Почему же он не поднялся на борьбу с оккупантами? Так в том-то и дело, что никакого иракского народа в природе никогда не существовало! Это ясно всякому, кто знаком с историей Ирака. Во Вьетнаме американцы сломали зубы потому, что им пришлось иметь дело с вьетнамским народом, обществом, сплоченным культурно и политически. А в Ираке единой этнической, культурной, религиозной и политической общности никогда не было. Ирак с самого начала являлся искусственным государственным образованием. При разделе Османской империи, прекратившей свое существование в результате Первой мировой войны, англичане провели границы по своему усмотрению, создав никогда ранее не существовавшее государственное образование, в которое были включены племена арабов-шиитов, арабов-суннитов и курдов.

Курдам вообще не повезло – они оказались разделенными сразу несколькими государственными границами, проживая в Турции, Ираке и Иране. Почему же Лондон, проповедовавший на словах принцип самоопределения народов, не создал отдельное курдское государство? Стоит вспомнить известный принцип – *divide et impera* – разделяй и властвуй. Чем более нежизнеспособными будут новые ближневосточные государства, тем более эффективно их можно грабить. Ирак из османской провинции превратился в английскую колонию, а после формального обретения независимости в 1932 г. оставался... все той же колонией. Иногда народ создает государство, а иногда государство рождает народ. В СССР, например, за несколько десятилетий сложилась уникальная культурно-политическая общность – советский народ. Политический проект Саддама Хусейна был направлен на то, чтобы создать из разномастных арабских и тюркских племен иракский народ, политически сплоченную нацию. Но для этого не хватило ни времени, ни умения.

Так или иначе, но американские военные отлично понимали, что нейтрализовав иракскую армию, они уничтожат государство, а без государственного каркаса 26-миллионный народ Ирака рассыплется на враждующие друг с другом племена. Поэтому второй Вьетнам им не грозит. Так и случилось. Сегодня Ирак фактически развалился на три части – суннитскую и шиитскую области и Курдистан. Курдистан же распался на два автономных региона – Демократическая партия Курдистана контролирует большую часть провинций Эрбиль и Дахук; Патриотический союз Курдистана держит под своей властью Сулейманию.

Кто-то может возразить, что, мол, до сих пор с оккупантами борются смелые иракские повстанцы. Меньше телевизор смотреть надо! Эти повстанцы действуют в интересах США. Им необходим повод для своего военного присутствия в регионе, и он есть. Повод универсальный – он называется «нестабильность». Кто объяснит, почему эти патриоты-федаины вместо того, чтобы нападать на американские патрули, взрывают рынки и мечети? Сначала взорвали шиитскую мечеть – виновными объявили суннитов. Потом, разумеется, бомба рванула в суннитском молельном доме. И вот уже представители двух религиозных общин с увлечением мстят друг другу, а государственные мужи в Вашингтоне озабоченно морщат лбы и говорят, что стабильность в регионе под угрозой.

Для того, чтобы Европа осознала, что не стоит возражать дядюшке Сэму, происходит пара терактов на нефтепромыслах, в результате чего цены на нефть подскакивают. Иногда натовские «миротворцы» сами вынуждены делать за террористов грязную работу. Недавно мировые СМИ сдавленно поведали о скандале, имевшем место в Ираке. Местные полицейские схватили двух террористов, которые разъезжали по улице на автомобиле и стреляли в прохожих. На поверку эти муджахеддины оказались переодетыми британскими спецназовцами. Скандал замяли, террористов-спецназовцев из тюрьмы выпустили, СМИ мгновенно заткнулись и принялись с привычным пафосом обличать коварный мировой терроризм, который угрожает всему свободному миру и демократии. В общем, все идет по отработанной схеме – военные, политики и масс-медиа делают общее дело. И поэтому мир на Ближнем Востоке не наступит никогда. По крайней мере, пока там не кончится нефть.

Готовится ли Запад к войне с Россией? Станный вопрос. Он ее ведет. Только это не та война, какую мы иногда видим в телерепортажах из Палестины или Афганистана. Война ведется не на физическое, а на духовное и интеллектуальное уничтожение русских. Западу не нужен русский народ, как носитель политической воли или того хуже – цивилизационной идеи. На месте Российской империи – Советского Союза – РФ должны появиться враждующие друг с другом племена дикарей – как в Ираке или Афганистане. Русской армии быть не должно. Русская культура должна стать музейным достоянием. Пока у наших противников все идет успешно. Советский Союз раздроблен на 15 враждующих бангустанов. В самой РФ у власти поставлен лояльный Западу режим, полностью зависящий от мировых цен на нефть и металлы.

Еще лет двадцать – и армия в стране перестанет существовать. Ее даже не надо будет громить, как это делал Гитлер в 41-м. Просто к тому времени советское оружие полностью устареет. Создать образцы вооружения нового поколения военно-промышленный комплекс РФ уже не в состоянии (телепропаганду воспринимать всерьез не стоит). Более того, даже выпускать серийно разработанные советскими конструкторами боевые комплексы он не может – производственные мощности и квалифицированные кадры утрачены.

20 лет – это секунда по историческим меркам. России осталось жить одну секунду. Что же случится через пару десятилетий? Интервенция НАТО? Слишком много чести! Никто не придет завоевывать нас. Деградировавшие русские будут сами уничтожать друг друга. Нас ждет такой же конец, что и Югославию, мучительно издыхающую в бесконечной череде этнических конфликтов и политических кризисов. Советский народ перестал существовать. Осталось раздавить оставшийся кусок – аморфное образование под названием «россияне» – и дело сделано.

Но на всякий случай нынешние хозяева мира готовят и силовой вариант для «окончательного решения русского вопроса».

Кто думает, что мы отвлеклись от темы? Ведь речь-то шла об истории. Да о ней мы и говорим. История это оружие. Русское государство может гипотетически возродиться даже в самых неблагоприятных условиях, если сохранится народ – носитель национальной идеи и политической воли. Но национальная идеология и политическая воля базируются на историческом сознании. Народ – это общность прежде всего историческая, и лишь во вторую очередь языковая, культурная, социальная и т. д. Поэтому сейчас идет война на уничтожение русского народа, как единой **ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ**. «Переформатирование» исторической памяти народа приводит к его деградации. Кто же ведет боевые действия против России? Давайте разберемся.

Фальсификация истории происходит только по политическому заказу и может быть осуществлена только стороной, обладающей большими ресурсами. В подавляющем большинстве случаев лишь государство имело и ресурсы и политическую необходимость в переписывании прошлого. Представьте себе, что в королевстве идет гражданская война за престол между двумя кланами. И вот правящая династия свергнута, королю сделали секир-башка, а на трон воссел его более удачливый соперник. Может ли он и его потомки чувствовать себя на нем уверенно? Нет, добиться власти можно с помощью меча, но удержать ее одною лишь силой невозможно. Политических противников можно перебить или запугать. Сторонникам раздать землю вырезанных врагов и тем самым заручиться их лояльностью. Но...

Власть государя освящена церковью. Церковь в древности играла ту же роль, что сегодня система образования, СМИ, литература и кино вместе взятые. И если церкви (точнее, церковной верхушке) новый король по какой-то причине не понравится, проживет он недолго. Церковь может обратить гнев подданных против монарха и свергнуть короля, а вот король церковь упразднить не в состоянии. Только церковь делает власть короля легитимной, и если монарх делится с церковью властью и богатством, то может рассчитывать на ее поддержку. Церковь в Средние века обладала, если так можно выразиться, монополией на историю. Уничтожить сотню летописей, заменить их новоделами – и через несколько десятков лет о свергнутой династии не останется никакой памяти, она превратится в миф, предмет устного народного творчества о пришлых варварах, которые захватили власть в стране, пока храбрый король (родоначальник правящей династии) не изгнал их и не спас народ от разорения и гибели. Изгладить всякую память о побежденных, оклеветать их, дискредитировать, дабы исключить всякую опасность с их стороны – это совершенно очевидное стремление всякого узурпатора.

Одно дело, когда за власть дерутся два сына почившего короля. Народу, по большому счету никакой разницы, будет собирать налоги Генрих или Фридрих, главное, чтоб барщина и подати не выросли. Но если твою землю завоевывает чужой народ и начинает насаждать свои обычаи, законы, религию – это уже совсем иное. Завоевателю следует готовиться к длительной, зачастую многовековой кровавой борьбе. Для всякого завоевателя первой задачей было установить свою церковную гегемонию над побежденными, а уж потом можно постараться вытравить всякую память о том, что завоеванный народ когда-то имел собственную государственность, своих королей и славных воинов. Завоевание следует представить не как акт порабощения, а как принесение цивилизации и истинной веры в край рабов, дикарей и безбожников. Уничтожение у завоеванного народа исторической памяти было залогом его смиренности. Иногда эти манипуляции удавались, иногда нет.

Откуда взялись на Балканах хорваты? Окатоличили немцы часть завоеванных сербов и сделали их своими слугами. Турки обратили часть сербов в ислам и тоже получили покорных холопов. Отбери у народа память о прошлом, и он потеряет волю к сопротивлению тирану или завоевателю. Но поскольку не все сербы подчинились духовному диктату завоевателей, сохранили память о своем прошлом и исконную религию, то даже через столетия сербское

государство смогло возродиться. А сколько государств и народов кануло в лету? Когда испанцы прибыли в Южную Америку, они обнаружили там хоть и примитивные с их точки зрения, но все же государства. И тут же принялись фанатично уничтожать местную культуру, архитектуру, ремесла, науку, письменность и религию – все то, что служило источником знаний людей об их прошлом. Только после этого им удалось превратить выживших аборигенов в рабов.

Сейчас принципы воздействия историков на сознание людей принципиально не изменились. Иными стали лишь технологии. Дело в том, что полностью стереть из памяти людей события прошлого сегодня не удастся, потому что невозможно уничтожить все книги, фильмы, газеты, музеи, памятники архитектуры, произведения искусства и заблокировать все неудобные страницы в Интернете. Поэтому применяется три основных приема манипуляции:

- стерилизация исторической памяти;
- спекулятивная трактовка фактов, искажающая суть явления;
- сочинение виртуальных событий, вписанных в контекст реальных фактов.

Стерилизация памяти – процесс длительный, но в стратегическом смысле очень эффективный. Заключается он в выведении такой породы людей, которым история вообще не нужна. Западное потребительское общество – это стадо медленно, но неуклонно тупеющих приматов. Наиболее ярко деградация рассудка проявляется в США. Средний американский обыватель вряд ли сможет сказать вам, сколько континентов на земном шаре, и книжку он видит только если ее показывают по телевизору. Собственно, и читать многие американцы не умеют. Буквы знают, в слова их сложить могут (в школе же учились все-таки), но навыка чтения не имеют вообще или он атрофируется за ненадобностью. Это явление называется вторичной или функциональной неграмотностью.

Но то, что американцы перестают читать и потому их умственные способности деградируют – это лишь полбеда. Для неразвитого интеллекта совершенно губительно пристрастие к телевизору. Процесс мышления – это генерация разумом образов и понятий. При чтении человек рисует в своем воображении картину того, о чем повествует текст и воспринимает не буквенный код, а именно образ. Телевизор загружает в сознание человека уже готовые аудиовизуальные образы, и потому мозг телезависимого человека необратимо разрушается, причем уже органически. Следом за функциональной неграмотностью наступает функциональное расстройство речи – утрата навыка вербального общения. Особенно ярко функциональное расстройство речи проявляется у детей, и зачастую приводит к психическим расстройствам.

Процесс умственной деградации совершенно естественный – у неподвижно лежащего человека атрофируется опорно-двигательная система, у попавшего в кромешную темноту утрачивается зрение, а у тех, кто не использует мозг, деградирует центральная нервная система. Зато такой примат становится свержнушаемым. Любое, самое чудовищное заблуждение можно внушить ему через телевизор, и восприниматься это будет некритически, как абсолютно непогрешимая истина, не как навязанное, а собственное мнение.

Такое человекообразное животное обладает совершенно иным, нежели у нормального человека восприятием времени. Для него время циклично – работа, ланч, работа, развлечение, сон. И так изо дня в день до момента прекращения физического существования организма. У нечитающего телезависимого обывателя нет исторического сознания как такового, то есть восприятия прошлого и будущего, как реальности. Он не воспринимает себя, как часть народа, который когда-то появился, и который будет, развиваясь, существовать после его смерти. Будущее, как и прошлое – для него полнейшая абстракция, не имеющая ни малейшего значения для его текущего существования, которое он одно воспринимает как реальность. Разве способно такое существо проявить то, что называется исторической или политической волей? Нет, его биологическое существование подчинено самым элементарным инстинктам, из которых преобладающим является инстинкт потребления. Духовная же составляющая бытия ему не

принадлежит, потому что является продуктом, загружаемым по необходимости в его сознание извне помимо его воли.

Конечно, получить общество, состоящее из касты посвященных шаманов-манипуляторов и массы зомби с абсолютно стерильным сознанием пока еще не удалось, для этого, вероятно, потребуется несколько десятилетий или даже веков господства телевизионной культуры. Даже в Америке доля функционально неграмотных граждан пока составляет, по разным оценкам, от 15 до 30 % населения. Но зато динамика впечатляет. Советский Союз по праву считался самой читающей страной в мире. Сегодня же «Новые известия» констатируют: *«Согласно результатам свежего социологического исследования, проведенного Центром Юрия Левады, в России совсем не читают книг 47 % взрослого населения (всего три года назад этот показатель был на 10 процентов ниже)... По оценкам ученых и библиотекарей, к хронически нечитающим сегодня можно смело отнести до 90 процентов взрослых россиян»*¹.

Поскольку хоть и кастрированное, но представление об истории присутствует у большей части членов потребительского общества, историкам порой бывает необходимо быстро их изменить в нужном направлении, для чего часто применяется второй из нашего списка манипулятивный прием – спекулятивная трактовка известных фактов. Вот яркий тому пример. Недавно министр обороны Японии Фумио Кюма заявил, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки помешала СССР захватить остров Хоккайдо. Особую пикантность ситуации придает то, что сам Кюма является уроженцем Нагасаки. Тем не менее, министр утверждает, что атомная бомбардировка была «неизбежным окончанием Второй мировой войны», а потому он не держит зла на американцев.

Заставить японцев забыть об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки невозможно. Но их при некотором старании можно убедить, что это массовое убийство мирных жителей было осуществлено для их же блага. Вот военный министр Кюма и выдал перл о том, что если бы американцы не убили несколько сот тысяч японцев, то русские бы оккупировали Хоккайдо. Уж ясное дело, эти кровожадные варвары вырезали бы все население острова подчистую.

Можно конечно, считать, что Кюма брякнул это, не подумав. Возможно. Но за него подумали другие, а он лишь исполнил чью-то волю. Чью, догадаться несложно. Остров Хоккайдо, как и прочие японские острова, оккупировали не русские, а американцы. До сих пор в Японии находятся гарнизоны оккупационных сил США. И армия Японии – это не национальные вооруженные силы, а что-то вроде легионов ваффен-СС, формируемых Германией во время Второй мировой войны из представителей завоеванных народов. Форму они носили национальную, говорили на родном языке, попы, пасторы и муллы у них были доморощенные, но присягу украинские, эстонские, фламандские и прочие эсэсовцы приносили лично фюреру германского народа Адольфу Гитлеру и воевали они не за Украину, Эстонию и Фландрию, а за великую Германию там, куда фюрер их пошлет.

Зачем нацистам понадобились эстонские и украинские эсэсовцы, известно – чтобы те помогли им одолеть русских. Зачем в таком случае американцы создают аналог ваффен-СС из японцев? Да с той же самой целью! Может быть, Вашингтон готовит японцев в качестве пушечного мяса для войны, например, с Китаем, который последнее время фантастически усилился? Нет, японцев готовят к войне именно с русскими. Ведь немцы воевали с англичанами, американцами, французами и даже под конец войны немного с итальянцами. Но эсэсовцев-добровольцев из числа неграждан Германии использовали исключительно на Восточном фронте. Идеологическая обработка проводилась в соответствующем духе. Мол, просвещенная Европа должна встать под знамена великой Германии и положить конец вечной угрозе со стороны Востока, которая ранее исходила от монгольских орд, а в настоящий момент от орд

---

¹ <http://www.newizv.ru/news/2009-03-12/106510>

еврейско-большевистских. И вставали сотни тысяч европейцев под знамена. И шли в крестовый поход. И кресты достались каждому, кому – железный от фюрера, кому, уж простите, – деревянный от русского солдата.

Поскольку Япония – страна оккупированная, то и японские историки работают в интересах оккупантов, готовя нацию к войне именно с русскими. С самого раннего возраста японским малышам вдалбливают, что проклятые русские оккупировали «северные территории» – четыре острова Курильской гряды. И без этих маленьких островов японская нация прожить просто не сможет. Возвращение «северных территорий» – это не просто популистский политический лозунг, это японская национальная идея, причем их ЕДИНСТВЕННАЯ национальная идея. Жители Страны восходящего солнца не очень-то религиозны, да и исповедуют различные культы. Поэтому религия не может служить фактором, объединяющим нацию, как например, это имеет место в разноплеменном и разноязыком Пакистане. Политической тоталитарной идеи, способной сплотить весь народ, тоже нет, и не предвидится. Формально Япония остается монархией, но император давно уже превратился в декоративный аксессуар и не может стать общенациональным лидером. Социально японское общество остается традиционно разнородным, хотя открытого социального антагонизма мы в нем не наблюдаем.

И лишь когда дело касается северных территорий, японцы всех полов, возрастов, вероисповеданий, политических взглядов от бомжа до самого богатого магната проявляют единодушные – вернуть! В Японии есть компартия – одна из крупнейших (410 тысяч членов) и богатейших компартий в мире. Но даже в период Холодной войны японские коммунисты не дружили с проклятыми русскими оккупантами, которые отняли у Японии самое дорогое – четыре каменных северных острова. Формально КПЯ выступает за вывод американских оккупационных сил с территории Японии, но на деле проводит проамериканскую антирусскую политику.

В первые годы оккупации Японии вообще было запрещено иметь вооруженные силы, а сегодня американцы разрешили иметь японским силам самообороны, как официально именуется армия, не только сухопутные силы и ВВС, но и военно-морской флот, в составе которого есть уже четыре авианосца. Надо сказать, для обороны островов от авианосцев – очень дорогих игрушек – никакой пользы, кроме вреда. Авиация наземного базирования для противовоздушной обороны и отражения атак с моря гораздо эффективнее и менее уязвима. Чтобы на время вывести из строя наземный аэродром, нужно сбросить на него десятки ракет или авиабомб для разрушения ВПП. При этом базирующаяся на нем авиация может не пострадать, просто перелетев в случае опасности на другую базу.

Чтобы уничтожить авианосец навсегда со всей авиацией и экипажем, достаточно одной противокорабельной ракеты или торпеды. Авианосец может быть эффективно применен исключительно для внезапной атаки очень удаленного объекта – именно так, как японцы применили свой авианосный флот в декабре 1941 г, атаковав корабли США в Перл-Харборе. Советский Союз в период Холодной войны ни на кого нападать за океаном не собирался, а потому авианосцев ни одного не построил, хотя имел и технические возможности, и палубную авиацию. ВМФ имел на вооружении лишь авианесущие крейсера, из которых сегодня в строю один.

Следовательно, если американцы позволили своим японским ваффен-СС иметь авианосцы, значит, планируют их применять. Единственное, для чего они могут быть использованы – атака Курильских островов. Дело в том, что все четыре авианесущих ударных корабля ВМС Японии принадлежат к классу вертолетоносцев. Самолеты могут свободно оперировать против Курил с баз на острове Хоккайдо, а вертолеты, у которых радиус действия намного меньший будут использованы с кораблей для непосредственной поддержки десанта. Никакого другого смысла японские вертолетоносцы не имеют, поскольку не могут действовать в отрыве от своих берегов.

Что характерно, США вовсе не пытаются стерилизовать историческое сознание японцев. Их разве что заботит вопрос о ядерных бомбардировках, но в японских школьных учебниках об атомных бомбах говорится лишь то, что они были сброшены на Хиросиму и Нагасаки. Мол, была война, и эти города подверглись разрушению. А на том, кто сбросил бомбы и для чего, внимание школьников не заостряется. Зачем их отвлекать этими ненужными подробностями от действительно важного вопроса о «северных территориях»? Кстати, северные территории японские школьники изучают не только на уроках истории, но и на занятиях по географии. Вы не видели японские атласы? Они весьма отличаются от всех прочих не только тем, что Южные Курилы там обозначены, как японская территория (а как же иначе?), но и тем, что все прочие острова Курильской гряды и южная часть Сахалина помечены белым цветом, как земли, чей статус не определен. Так что «северные территории» – понятие резиновое – оно может растянуться до самой Камчатки, а там, чем черт не шутит – и до Северного полюса. Говорят, на шельфе Ледовитого океана есть большие запасы нефти, а Япония в них как раз очень нуждается.

Так вот, на уроках истории японские школьники очень подробно изучают новейшую историю, и потому знают, что великой мировой державой их страна стала, победив русских империалистов в войне 1904–1905 гг. А утратила сей почетный статус Япония, проиграв Америке. На том, что сухопутную Квантунскую армию Японии разгромил Советский Союз, внимание отроков не заостряется. Отсюда вывод: не стоит воевать с США, с янки надо дружить. А чтобы вновь Японию зауважали, надо опять разгромить русских и вернуть «северные территории», смыв тем самым позорное пятно с флага священной земли Ямато.

Кто-то возразит, что напасть на РФ – пока еще ядерную державу – авантюра. Да, но ничуть не большая, чем атаковать Перл-Харбор в 1941 г. или крейсер «Варяг» в порте Чемульпо в 1904 г. К тому же не зря японцам вдалбливается, что американская оккупация – благо для страны. Пока на их территории находится хоть один американский солдат, любая атака, даже неядерная, против островов будет расцениваться, как нападение на США со всеми вытекающими. Да и ядерный щит РФ стремительно ржавеет. Дело в том, что делать боевые части ядерных ракет мы сегодня не можем. Завод «Южмаш», на котором они производились, находится на Украине. А Украина – это за граница и потенциальный член НАТО. Так что утрата РФ статуса ядерной державы – вопрос времени, причем очень скорого. Сегодня модернизация ядерных сил страны осуществляется так: боеголовку снимают с отслужившей свой срок ракеты и ставят на более современную. То, что эти модернизированные ракеты, например, «Булава» лишь менее чем в половине случаев запускаются успешно, известно всем. Поэтому испытательные пуски «Булавы» сегодня приостановлены на неопределенный срок (надо понимать, навсегда). Но и боевая часть ракет имеет свой срок службы. В целом за 18 лет «демократии» РФ утратила более 80 % ядерного потенциала, доставшегося ей в наследство от ССР.

Истерия вокруг оккупированных «северных территорий» достигла в Японии такого накала, что перевести патриотический порыв масс в русло практических действий по «реконкисте» Курил можно в любой момент. Не берусь утверждать, что этот момент непременно настанет. Я лишь констатирую факт, что японцы морально готовы к войне и имеют для этого боевой потенциал, который продолжают наращивать. Народ, помнящий о своем былом величии, всегда стремится вернуть утраченный статус, каким бы иррациональным это стремление не казалось, и готов ради этого на большие жертвы. Англичанам Фолклендские острова, расположенные в противоположном от них полушарии, нужны были еще меньше, чем японцам Курилы. Однако Великобритания, защищая свой престиж, ввязалась в войну с Аргентиной, не имея в виду никаких практических выгод.

А насколько готов народ страны под названием РФ защищать свою родину? Пока народ хотя бы в памяти хранит имперскую гордость, он готов воевать не только за осязаемые материальные блага, но и за честь державы. Связываться с таким народом – обладателем крепкой

исторической памяти – чревато. Но если заставить его отказаться от традиционных национальных ценностей в пользу чуждых ему – то некогда могучая нация уподобится великану, поверженному не мечем равного противника, а коварно отравленному ядом, затмевающим разум и лишаящим воли. Бери его голыми руками.

Вот уже 20 лет продолжается методическое отравление исторического сознания русских гнойным ядом отвращения к самим себе. У всякого народа есть свой золотой век. Скажем, для Великобритании – викторианская эпоха, когда столицей мира был Лондон, мировой валютой – фунт стерлинга, а на всех морях господствовал британский флаг. Помнят ли нынешние жители Туманного Альбиона о своем историческом триумфе? Помнят, и еще как! Хотели бы они его вернуть? Разумеется! Есть ли к этому возможность? Ни малейшей! Могущество Британской империи обеспечивалось крупнейшей в мире колониальной системой и протекционистской системой торговли. Где британцы возьмут сегодня колонии? Разве что колонизируют Марс и Альфу Центавра, а на планете Земля доступного для ограбления клочка суши уже не осталось. Помимо прочего могущество Британской империи прирастало наркоторговлей, но сегодня мировой наркотрафик контролируют США (собственно, только ради этого они и влезли в Афганистан). Так что британцам от бывшего величия остались лишь музеи и роскошные особняки в викторианском стиле.

Золотой век России – советская эпоха, пусть и менее продолжительная по времени, чем век торжества Британии, но зато отмеченная выдающимися триумфами. Коллективизация, индустриализация, создание самой эффективной в мире системы образования и сильнейшей науки, победа в мировой войне, прорыв в космос, создание океанского флота, реализация первого в истории человечества проекта социального государства, обретение политического и культурного влияния на половину человечества – все это уместилось в какие-то пять десятилетий. Возможно ли повторение подобного цивилизационного рывка? Да, и для этого нам не нужны ни привозные ресурсы, ни импортные мудрецы, ни заморские колонии. И даже собственный опыт в подобном деле еще не забыт.

Но если одна страна стремительно возвышается, превращаясь в мирового гегемона, то какая-то другая держава свой статус хозяина мира столь же стремительно утрачивает. Поэтому сильная и свободная Россия в качестве мировой державы не нужна никому, кроме русских. Выводы сделать нетрудно: пока русский народ не будет окончательно уничтожен, против него будет вестись непрерывная война. Вопрос лишь в том, каким образом, уничтожить русских. Физически истребить десятки миллионов людей очень сложно технически. Все крестовые военные походы объединенных сил Европы на Восток оканчивались крахом. Эти чертовы русские дикари почему-то всякий раз ожесточенно сопротивлялись. Единственная возможность устранить русскую угрозу для мира – уничтожить наш народ духовно. Образно выражаясь, заставить нас отказаться от своих богов и поклоняться чужим кумирам, внимать пришлым учителям, подчиниться их законам.

Конечно, религия в современном обществе почти никакой роли не играет, поэтому нет смысла насаждать в России католичество, иудаизм или какие-нибудь экзотические культы вроде Аум Синрике. Задача наших врагов – заставить отказаться русских от национальной идеи. Мол, зачем вам, русским, собственное государство, тем более, государство имперское? Лучше интегрируйтесь в скроенное по североатлантическим меркам мировое сообщество. Вы нам – нефть, газ, металлы, проституток, детей для усыновления и органы для трансплантации, а мы вам – дешевый ширпотреб и гламурную духовную пищу голливудского формата. И не надо напрягаться для защиты своей земли. Родная земля – это для варваров понятие сакральное, а для цивилизованных людей – всего лишь товар, который можно с выгодой продать. Соответственно, отдать ли японцам острова – это не вопрос принципа, а вопрос цены. И вообще, жить надо не ради каких-то глупых химерических идей вроде построения царства Божия на земле, а ради выгоды.

Но поддаться этим сладким речам русским мешает их историческая память, память о недавнем золотом веке. Поэтому главный удар в войне на уничтожение России враги наносят не по аэродромам и базам подводных лодок, а по нашей памяти. Стратегически ставка делается на стерилизацию исторического сознания народа, деформацию культурной матрицы нации. Тактически основные манипуляции основаны на методе создания виртуальной истории на основе действительных событий и постепенного вытеснения из сознания достоверных представлений о прошлом. Это и есть третий прием манипуляции с историческим сознанием.

Вряд ли можно отыскать в новейшей истории такую эпоху, которую бы столь яростно пытались исказить, как советскую. И если тысячи историков сознательно и целенаправленно год за годом зачищают историческую память русских, значит это кому-то нужно, значит, за это платят деньги. Кто заказчик – показано выше. Какую же он преследует цель? Уничтожение опасного народа. Надо убедить русских, что история Советского Союза – это сплошная цепь садистских преступлений, надругательств, извращений и провалов. Успехи, достигнутые советским народом, бесполезны, а победы одержаны бесчеловечными методами и принесли для народа одни лишь страдания. Надо заставить русских стыдиться своей истории и каяться. Стыдиться и каяться, каяться и стыдиться. После этого можно будет беспрепятственно загрузить в их сознание «правильную» цивилизационную программу, превратив потомков гордых победителей Европы в ее послушных лакеев.

Разве может лакей, привыкший пресмыкаться и лебезить, стать воином? Вот вам и ответ на вопрос, будут ли перевоспитанные историками русские, сражаться за Курилы. В нужный момент масс-медиа объяснят быдлу, что продажа Аляски, которую очень дорого осваивать, была весьма выгодна России, а потому следует уступить японцам четыре никчемных каменистых острова, потому как завозить туда мазут для котельных очень дорого. И за Арктику русские биться не будут. Помню, как в школьных атласах во времена моего детства от Кольского полуострова и Чукотки к Северному полюсу тянулись две пунктирные линии, отмечавшие границы полярных владений ССР. При дележе советского наследства они должны были перейти к РФ. А вот хрен вам! Как только начались разговоры о гигантских залежах углеводородов на океанском дне, как тут же выяснилось: все, что далее 200 морских миль от берега – ничейное. И делить эти ничейные богатства будут уж точно не в Москве.

Поэтому я вовсе не уверен, что Японии придется применять свои вертолетоносцы и десантные катера для захвата Южных Курил. Возможно, они получат их на блюдечке с золотой каемочкой и поясным поклоном. После этого русским придется расстаться с Калининградом, которому, разумеется, вернут историческое имя Кенигсберг. Проект Балтийской республики в составе ЕС уже существует. Реализовать его на практике – дело нескольких лет. Всему остальному населению популярно объяснят, что отпустить Калининградскую область в Европу – благо для РФ, потому что тем самым она приблизится к цивилизованному миру.

Далее наступит переломный момент, как в прямом, так и переносном смысле – остатки России будут ломать по линии Уральских гор на две части – Московию и Сибирское ханство. В 2003–2004 г. эта идея уже муссировалась в прессе, но общественное мнение отнеслось к ней негативно, поэтому кампанию свернули (это была именно спланированная кампания, а не проявление свободы слова). Основные аргументы в пользу раздела были следующие. За Уралом, где сконцентрировано 80 % природных богатств РФ, проживает 30 % населения страны. Стоит Сибири обрести суверенитет, и аборигены заживут припеваючи, как в Кувейте. А Европейская Россия, лишившись углеводородной халявы, сможет развивать высокие технологии и постепенно интегрируется в Европейский Союз. А выпавшие нефтяные доходы будут компенсированы за счет взимания с Сибирского ханства платы за транзит сырья в Европу и посреднической торговли.

Считаете это нереальным? Значит, вы совершенно не понимаете сути исторических процессов. Планы раздела ССР, обсуждаемые на Западе в начале 80-х годов тоже казались фанта-

стикой. И уж тем более трудно было представить, что Приднестровье или Нагорный Карабах станут суверенными бантустанами. Проект академика Сахарова о развале Союза на 50 удельных княжеств под названием Союз Советских Республик Европы и Азии даже в конце 80-х казался бредом старого маразматика. Но это всего лишь декларация цели, которую преследует наш враг. Цели, которая наполовину уже достигнута.

И как легко достигнута! Всего-то и надо изгадить русскую историю и в этом отредактированном виде вбить в голову местному населению. В результате для разгрома ССР не понадобились ковровые бомбардировки, которые нежелательны потому что вместе с лишними русскими уничтожают полезные материальные ценности. История – не только дешевое, но и очень гуманное оружие, ибо способно превратить непобедимого врага в безвольного раба без применения физического насилия и ущерба для экологии.

Трудно ли создать нацию? На бумаге – легко

Как бы ни накачивали американцы японские ваффен-СС, как бы ни нагнетали массовый психоз по поводу «северных территорий», все это было и остается третьестепенным театром военных действий против России. Где же проходит основной фронт противостояния между русской и североатлантической цивилизациями? Где наносится главный удар? Стратегическое значение придается разрыву русского народа на два враждующих лагеря – москалей и украинцев.

Возрождение рухнувшей Советской империи до сих пор возможно, но ключ к нему дает только воссоединение России и Украины. В этом случае объединение с Белоруссией и Молдавией происходит автоматически. С Казахстаном дело обстоит сложнее, но принципиальной неразрешимости я здесь не вижу. Что касается Закавказья и Средней Азии, то они самым естественным образом оказываются в сфере влияния возродившейся империи, и стремлением народов этих стран будет скорейшая экономическая и культурно-политическая интеграция в новый евразийский союз. Лишь Прибалтику следует воспринимать, как отломленный ломоть, но жалеть о ее утрате стоит не больше, чем о разводе с финнами и поляками в 1917 г.

Возрождение империи, создание экономически самодостаточной державы позволит избежать падения в пропасть, в которую мы сейчас катимся, но первым шагом в этом направлении должна стать консолидация русского народа. Кто-то может удивиться: а разве русские и украинцы – один народ? Да, до 1992 г. он именовался советским народом, ранее – русским. До XX в. украинского народа не существовало. Этноним «украинец» появился лишь в XIX столетии, а официально принят в качестве названия этноса в 20-е годы прошлого века, с момента создания Украинской Советской Социалистической Республики. Тогда же начал ударными темпами создаваться и внедряться литературный, то есть унифицированный письменный украинский язык.

Основной удар с целью деформации исторического сознания историки сегодня наносят не по РФ, а по Украине. Масштаб задач перед ними стоит поистине титанический – убедить массы, в том, что:

- украинцы – народ отдельный от русского не только в культурно-языковом, но и в расовом отношении (украинцы принадлежат к европеоидной расе, а русские – монголоидной);
- украинцы – народ гораздо древнее русского;
- русские – извечный враг украинского народа (русские в составе монголо-татарских полчищ уничтожили Киевскую Украину, а потом в течение столетий не давали возродиться украинской державности);
- украинский язык не имеет ничего общего с русским, наоборот, это русские переняли у украинцев вместе с христианством азбуку и литературный язык, и только потому русский язык несколько похож на «украинську мову»;
- другая причина схожести русского и украинского языка заключается в трехсотлетней насильственной русификации, которой подвергалась Украина в период москальского ига (поэтому современную мову надо очистить от русизмов и вернуть ей первоначальный облик).

Кстати, если кто не в курсе, то Русь – это древнее название украинского государства и украинцев, нагло украденное москалями вместе с языком, который они, презрительно испоганив, назвали русским. Как можно украсть самоназвание народа, я даже не могу представить. Совсем уж невозможно понять, как народ мог столетия существовать без имени и как в качестве самоназвания он принял прозвище, придуманное иностранцами.

Удревнение собственной истории – дело самое заурядное. Трудно найти народ, который не выводил бы свой корень от Адама и Евы или, на худой конец, от потопа или великого переселения народов. Например, китайская история, насчитывающая несколько тысячелетий, очень напоминает резинку от трусов, если ту тянуть за концы в разные стороны – она при некотором усилии растягивается раз в пять. Не смотря на это, никому не придет в голову утверждать, что китайский народ не существовал и не имеет собственной истории. Просто у него есть история реальная, документированная, и есть история мифическая. Мифическая история, как несложно понять, есть фантомное продолжение реальной многовековой китайской истории – истории десятков племен, составляющих ныне единую китайскую нацию. Но можно ли создать фантомную историю фантомного народа и фантомного государства, протяженностью в тысячелетие, если реально такое государство появилось лишь на прошлой неделе? Гипотетически можно, но практически такая попытка предпринималась лишь однажды, когда сочинялась история Великой Литвы.

Впрочем, литовцы себя не особо утруждали – ничего нового не сочиняли, а просто присвоили себе историю Польши и русского средневекового государства – Великого княжества Литовского. Дескать, литовские князья завоевали русских и стали ими править. А раз князь литовский – значит, и его русские подданные автоматически стали литовцами, а история русская лишь на одном этом основании преобразовалась в литовскую. Само слово «Литва» к современной Лиетуве, как именуют свою страну жители Литовской республики, никакого отношения не имеет. Средневековый литвин – это не литовец, а русский, подданный Великого княжества Литовского. Территория нынешней Литовской республики в Средние века носила совершенно другое имя – Самоготия. Еще в XIX столетии в широком обиходе был термин «литовцо-руссы», который впоследствии был вытеснен этнонимом «белорусы». А чем можно объяснить широчайшее распространение фамилии Литвинов? В некоторых местностях эта фамилия более распространена, чем Иванов.

Итак, кто же такие литовцы? Этнические литовцы – по-старорусски жмудь, – это общность, образованная главным образом слиянием племен жемайтов и аукшайтов. Участвовали в литовском этногенезе так же ятвяги, траки, курши. Племена эти вплоть до XVI столетия были язычниками, а окончательно идолопоклонство было вытеснено католичеством только через два столетия.

Первый письменный источник, который, как считается, содержит в себе запись на литовском языке, датируется 1503 г. и представляет собой молитву, написанную от руки на последней странице богослужебной книги, выпущенной в Страсбурге. Так и напрашивается неудобный вопрос: если книга выпущена в начале XVI в., то почему историки решили, что и рукописный текст создан тогда же, а не 300 лет спустя? Дело в том, что первый учебник литовской грамматики выпущен в лишь 1653 г. Впрочем, литовская письменность имела совершенно незначительное распространение вплоть до XIX столетия по причине ничтожно малого количества грамотных жмудинов.

В 1864 г. после подавления польского мятежа царский наместник в Северо-Западном крае граф Михаил Муравьев-Виленский запретил латинскую азбуку и литовский язык был переложен на кириллицу – это один из редких случаев культурно-национального насилия в Российской империи. Запрет этот, впрочем, был формальным, культурный литовский слой продолжал пользоваться латиницей, литература ввозилась из-за границы, а подавляющее большинство литовцев оставались неграмотными, и их это нововведение никак не затронуло. Формальный запрет на применение в печати латиницы был снят в 1904 г. Современный литературный литовский язык, основанный на диалекте западных аукшайтов (сувалкийцев), складывается к началу XX века.

Литовский язык весьма архаичен, как у многих народов, живших на отшибе в стороне от бурных исторических процессов. Когда филологи в XIX столетии наконец обратили на него

свое внимание, появились многочисленные теории о том, что литовцы и есть индоевропейцы, от которых, как от массивного ствола, веками отделялись различные языки и группы языков. Однако более детальные исследования показали, что никаких оснований для подобных выводов нет – литовский язык слишком близок к славянским и имеет много заимствований из современных языков, прежде всего, польского. Поскольку в настоящий момент Литва находится под протекторатом США, в языке стремительно нарастает количество заимствований из английского.

Своей государственности вплоть до 1918 г. литовцы не имели, да и не могли иметь. Как известно, язычество в древности являлось большим препятствием для североευропейских варварских племен в деле организации государства. Только с принятием монотеистического культа эти племена оказывались способны создавать государственность. Соседствующие язычники, разрозненные, а потому слабые, становились для них объектом завоевания и христианизации. Но самое главное, постоянно терроризируемые немцами жемайты и аукшайты, живущие в глухих лесах и болотах, не имели ни малейших экономических предпосылок для госстроительства. В торговле и мореплавании они своего следа не оставили, городов не построили, письменности не создали, в военном деле ничем не блеснули. Собственно, сохранились жемайты и аукшайты только потому, что жили в медвежьем углу, который особого интереса для завоевателей не представлял.

Современные литовцы свято уверены, что принадлежат к великой исторической нации, создавшей в Средневековье мощное государство – Великое княжество Литовское. В реальности государство это было русским по составу, а жемайты, аукшайты, курши, латгалы и другие небольшие культурно неразвитые племена входили в это государство на правах данников и завоевать русских никак не могли. Впрочем, особой ценности для князей язычники-жемайты и их земли не представляли, и потому, например, князь Ягайло Ольгердович легко отдал Тевтонскому Ордену Жемайтию в качестве платы рыцарям за помощь в борьбе за литовский престол. Тевтоны упорно пытались цивилизовать жемайтов, применяя в основном меч и огонь, но успехов добились весьма относительных.

Миф о Великой Литве был создан литовскими националистами на рубеже XIX – XX вв. следующим способом: они перекрестили деятелей Польши и Великого княжества Литовского на жмудинский манер, и тем самым приписали себе историю Польши и Русской Литвы. Князь Витовт стал Витаутасом, Миндовг – Миндаугасом, Ольгерд – Альгирдасом, Гедемин – Гядеминасом, и так далее. Разумеется, славянские имена Витовт и Ольгерд ничего общего с полудикой языческой жмудью не имели, и иметь не могли. Историки же, пытаясь объяснить столь странную славянизацию литовцев, запустили в оборот идиотскую легенду о том, что литовцы, завоевав русских, переняли у них язык, культуру, веру и даже сменили имена. Припоминаете ли вы хоть у одного завоевателя такие же манеры?

Иногда приходится встречать совсем уж глупые объяснения: *«Боясь западных соседей и связанных с ними латыни, польского и немецкого языков, литовская элита и великий князь принимают простую мову в качестве основного языка деловых актов»*². Простой мовой автор называет народный язык княжества. Поскольку основное население его было русским, то под простой мовой нельзя подразумевать ничего иного, кроме русского языка. Но скажите мне: в какой стране элита, боясь одного иностранного языка, отказывается от родной речи в пользу другого?

Ранняя польско-литовская и русская история тесно переплетены. Так, например, русский князь Яков Витебский, более известный как Ягелло (Ягайло), сын княгини Ульяны Александровны Тверской, после женитьбы на польской королевне Ядвиге и перехода в католи-

---

² Иванов В. Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого княжества Литовского // <http://kogni.narod.ru/gediminas.htm>

чество, положил начало знаменитой польской королевской династии Ягеллонов. При Ягелло произошло событие, кардинально повлиявшее на историю Западной Руси – Великое княжество Литовское и Польское королевство в 1385 г. заключили династический союз – унию. С этого момента началась постепенная дерусификация и окатоличивание Великого княжества Литовского, урезание политических прав, приведшие к полной утрате Литвой государственности к началу XVIII столетия. Православная литовская знать постепенно слилась с польской шляхтой. Крестьянские же массы и городских обывателей так и не удалось ополячить.

Наличие у литвинов и поляков общей неразрывной истории, легко объясняет то, что одних и тех же деятелей современные белорусы и поляки именуют по-разному, отчего они как бы раздваиваются. Но и те, и другие все же понимают, что речь идет об одних и тех же лицах. Однако жмудины «приватизировали» не только этноним «литовцы» (lietuviai), но и польско-литовскую историю, объявив ее своей, а себя – единственными наследниками Великого княжества Литовского.

Собственно, никакой древней истории не было у финнов, латышей, латгалов, эстонцев, ингерманландцев, карел. Была лишь история завоевания этих земель германцами, полякам шведами, русскими и датчанами. Завоеватели строили города и церкви, заводили университеты, развивали ремесла и искусства. Местное же население представляло собой крестьян, не имеющих ни национального сознания, ни письменности, ни интеллигенции, ни аристократии. Поэтому большинство балтийских племен просто исчезли. Живые языки некогда многочисленной балтийской группы представлены ныне лишь литовским и латышским. Прибалтийские помещики – сплошь немцы, отчасти шведы, в Литве – поляки. Так было веками. Национальное пробуждение балтов начинается лишь со второй половины XIX столетия с появлением местной интеллигенции. Тогда же начинают складываться у малых народов литературные языки – финский, эстонский, латышский, литовский.

История государственности этих народов начинается одновременно – с момента развала Российской империи в результате революции 1917 г. Первыми независимость 6 декабря 1917 г. провозгласили финны, имевшие в составе империи широкую автономию. 24 декабря Литовская тарйба (Совет Литвы) провозгласила декларацию о независимости Литвы, но фактически она сводилась к признанию вассалитета по отношению к Германской империи. После того как недовольные этим депутаты добились принятия полноценного Акта независимости Литвы, германские оккупационные власти отпечатанный тираж прокламации о независимости конфисковали, а типографию, его отпечатавшую, закрыли.

Относительную независимость Литва, на этот раз под присмотром Антанты, получила лишь в 1920 г. и продлилась она 20 лет, за время коих литовская экономика пришла в упадок, а народ обнищал, отошал и обовшивел. Поэтому в 1940 г. местное население с превеликой радостью от нищей независимости отказалось в пользу воссоединения с ССР. Если считать, что второй период литовской государственности начался в 1990 г. с момента провозглашения декларации о выходе из ССР, то история литовского государства насчитывает аж целых 39 лет. Но литовские власти, не мелочась, объявили 2009 г. годом тысячелетия Литвы.

Но украинским историкам пойти по литовскому пути фальсификации истории очень сложно. Украинская государственность к сегодняшнему дню насчитывает всего 17 лет. Никогда не существовало и украинского народа. Жемайты и аукшайты, образовавшие литовский этнос, жили в своих лесах сотни лет, а вот такой народ, как украинцы науке не известен. Сей этноним входит в оборот лишь во второй половине XIX в., да и то за границей. И что совсем уж огорчительно, в отличие от литовского, не существует и украинского языка. Он уже более 100 лет находится в стадии создания, но пока имеет вид малосъедобного полуфабриката (при употреблении порой вызывает тошноту). Поэтому даже в столице Украины, Киеве, люди гово-

рят преимущественно на «иностранном» русском языке или его диалекте – так называемом суржике³.

Поэтому перед украинскими историками, если они желают создать полноценную украинскую нацию, стоит задача поистине титанического размаха. Сначала им нужно стерилизовать массовое сознание, вытравив из него «антиукраинские» представления о русской истории. Затем надлежит переписать ее заново, но таким образом, чтобы канва истории России и Украины никак не пересекалась. Укро-историки не могут, подобно литовцам, просто присвоить себе русскую историю, ибо москалям уже отведена роль главного врага украинского народа. Вся история Украины – это история борьбы полноценного европейского народа в союзе с другими европейцами (поляки, шведы, австрийцы, германцы) против варваров с востока.

Почему я говорю, что задача создания нации стоит именно перед историками? А что превращает население в единую политическую общность? Генетическое родство, общая кровь, антропологическая близость? Об этом даже смешно говорить. Язык? Швейцарцы говорят на трех языках – немецком, французском и итальянском, но это не мешает им составлять единую нацию на протяжении столетий. Арабы же, хоть общаются на одном языке и живут на неразрывном географическом пространстве, разделены множеством государственных границ. Существует более 20 арабских стран, порой очень недружественно настроенных друг к другу. Может быть, нацию формирует экономический уклад, которым живет население? Тоже нет. Одна экономическая формация сменяет другую, но это не приводит к исчезновению старых наций и образованию на их месте принципиально новых.

Всякая нация имеет лишь один основной признак – общее историческое сознание, сформированное общей историей. Поэтому великороссы, малороссы и якуты составляют историческую русскую нацию несмотря на расовые, языковые, культурные различия, географические барьеры и даже возникшие недавно государственные границы. Но невозможно себе представить славян-русских и славян-поляков составивших единую нацию. Вроде бы более 100 лет поляки жили в составе многонациональной Российской империи, но оставались в ней телом инородным во всех отношениях. И можно сколько угодно рассуждать о родстве славянской души, но исторические судьбы наших народов настолько разные, что жить рядом мы можем, но вместе – никогда.

То, что сказано выше, для многих может представляться абстракцией. Как история, то есть комплекс представлений о прошлом, может иметь столь громадное значение для мироощущения человека, влиять на его поведение, цели? Как представления о прошлом могут создать нацию или ее разрушить? История – субстанция невидимая и неосязаемая. Это так, но ведь электромагнитное поле вкупе с гравитационным мы тоже не видим и не осязаем, но влияние, оказываемое ими на физические тела, огромно. Физики научились использовать невидимое электричество, и оно преобразило цивилизацию. Историки же влияют не на материальную, а на духовную природу человеческого сообщества, и тем самым кардинально изменяют его состояние. Любую науку можно использовать во благо и во вред. Расщепленный атом можно заставить созидать, а можно испепелить с его помощью планету. Точно так же и история, как комплекс представлений о прошлом, может являться инструментом сохранения и развития нации, а может стать оружием ее уничтожения. Украинский писатель и идеолог Ивана Франко говорил: «История – это способ политического думания». Весь вопрос в том, какое «думание» внушают историки массам.

Может быть, укро-историки действуют во благо своего народа? Скажите мне на милость, когда ложь, спекуляции, предательство и вражда приносили благо? Приведите мне хоть один

---

³ Суржик следует считать диалектом русского языка, поскольку лексика в нем употребляется русская и лишь произношение и грамматику можно условно считать украинскими. Основу же языка составляет именно лексика, в то время как произношение и правописание являются характеристиками второстепенными.

пример, пусть даже и гипотетический. Между тем, иного пути укро-историкам не остается. Нет у Украины собственной истории. И народа у этой страны нет, есть пока лишь население.

«Отрекаюсь от русской народности...»

Когда на свете появились украинцы? Не «предки украинцев», о чем с таким упоением рассуждают нынешние укро-историки, а именно украинцы? Вопрос довольно сложный. Потому как на первом этапе своего развития украинство было политическим течением, а появление украинствующей интеллигенции нельзя считать появлением украинского народа, как этнической общности. Собственно, украинский народ, как этнос, появился совсем недавно – только в ССР в процессе так называемой украинизации. Предыдущие же украинцы в основном были русскими, поляками или евреями. Я бы даже назвал их первоукраинцами, потому что им выпала честь наполнить понятие «украинец» пусть и бредовым, но хоть каким-то смыслом.

Подозреваю, что у неподготовленного читателя уже глаза на лоб полезли: мол как так – ведь даже в школьных учебниках истории есть глава под названием «Воссоединении России и Украины». Выходит, была Украина и украинцы! Недавно в РФ даже торжественно отмечали 350-летие Переяславской рады. Не может же быть все это мифом? Может, еще как может! И убедиться в этом проще простого. Многие знают, что 8 июня 1648 г. Богдан Хмельницкий в письме выразил горячее желание «отдаться на милость» царю Алексею Михайловичу. Следствием этого обращения стало то, что 8 января 1654 г. был осуществлен акт перехода в русское подданство запорожских казаков (Переяславская Рада), а 27 марта того же года условия договора были зафиксированы в специальном соглашении, известном под странным названием «Мартовские статьи».

Вот в этих документах и следует поискать упоминание Украины или украинцев. Но там слово «украина» встречается лишь один раз, да и то в значении «окраина»: *«Царского величества ратные люди всегда на рубеже для украины обереганья есть и вперед стоять учнут» («Мартовские статьи»)*. То есть Украина не была субъектом договора с Россией. Договаривающимися сторонами были Запорожское войско и царь. Очень любопытны и последние строки этого соглашения: *«Писано на столбцах белоруским письмом без дьячей приписи. Писал Степан, да Тимофей, да Михайло»*. Выходит, украинский язык казакам Хмельницкого был неизвестен, иначе бы они не стали обращаться к царю на иностранном «белорусском». Белая Русь, если верить многим западноевропейским картам того времени, являлась тем же самым, что и Московия (в дальнейшем топоним Белая Русь сместился на запад и приложился к территории Литвы, а Литвой стали называть Жмудь). То есть обращались казаки к царю на русском языке того времени, который и сами они прекрасно понимали.

Но, собственно говоря, вопрос о принятии в русское подданство казаков решался не в Переяславе на Раде (это была лишь своего рода процедура торжественной ратификации решения о переходе казаков под руку русского царя), а в Москве на Земском соборе 1 октября 1653 г. И в решении Земского собора никакие украинцы не фигурируют, зато неоднократно упоминаются черкасы: *«Да в прошлых годех присылал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Руси запорожской гетман Богдан Хмельницкой и все Войско Запорожское посланников своих многижда, что пань рада и вся Речь Посполитая на православную христианскую веру греческаго закона и на святые Божии восточные церкви восстали и гонение учинили большое. И их, запорожских черкас, от истинной православной христианской веры, в которой они издавна живут, учили отлучать и неволить к своей римской вере. И церкви Божии запечатали, а в ьных учинили унею, и всякие над ними гонения, и поругания, и злости нехристианские чинили, чего они и над еретиками и над жсидами не чинят. И они, черкасы, не хотя благочестивые христианские веры отбыти и святых Божиих церквей в разорении видети и видя себя в таком злом гоненье, поневоле, призвав к себе в помощь крымского хана с ордою, учили за православную христианскую веру и за святые Божии церкви против их стояти. А у царского величества милости просят, чтоб он, великий христианский государь,*

жалел благочестивые православные христианские веры и святых Божских церквей и их, православных христиан, невинные крови пролития, умилосердился над ними, велел их принять под свою царского величества высокую руку».

Черкасы – это и есть обозначение казаков, но черкас – не национальность, а региональное прозвище, такое же, как чалдон (сибиряк), волгарь или москвич. Этимология этого прозвища до сих пор не ясна. Самое очевидное предположение, что оно происходит от названия города Черкассы. Существует и более экзотическая, но вполне вероятная гипотеза о том, что черкасы – это древний тюркский народ, ославянившийся в предшествующие века, название которого перешло на казаков, которые, собственно, и ведут свою родословную от черкасов. Но суть в том, что ни о каких украинцах во второй половине XVII столетия еще никто не ведал ни сном, ни духом.

Собственно, Украина (украйна) – это не что иное, как польское слово *ucraina*, то есть окраина (*crai* – граница, рубеж; *ucraina* – порубежье). Точно такой же смысл слово «украйна» имело и в русском языке. Поэтому в летописях пограничные города зачастую называют украинскими или украинскими. Иногда уточняется их географическая локализация, например Даль в своем толковом словаре упоминает украинские сибирские города. «*Во сибирской во украине, / Во даурской стороне*» – такими словами начинается известная народная песня.

Поднепровье, таким образом, оказалось двойной украинкой – и для Польши (малопольская украинка), и для России. Кстати, украинские города на границе со степью (Курск, Воронеж, Белгород и другие) назывались в России еще и польскими городами, то есть расположенными в поле. Но к Польше это, разумеется, никакого отношения не имеет, так же как и украинские города к Украине. С расширением русских границ понятие украинки географически так же смещалось. Поэтому после разгрома Крымского ханства в русских источниках мы вряд ли найдем приложение понятия «украйна» к Малороссии или Запорожью.

Но на Западе географическое обозначение «Украина» как раз в середине XVII в. начинает входить в обиход. Начало этому процессу положил, вероятно Гийом Левассер де Боплан, французский военный инженер и картограф, находившийся с начала 1630-х до 1648 г. на службе у польского короля. В основном служба Боплана проходила на украинских землях Малопольши, где он руководил созданием крепостей. Наибольшую известность он приобрел как картограф, чьими стараниями создана первая генеральная карта Северного Причерноморья под названием *Delineatio Generalis Camporum Desertorum vulgo Ukraina. Cum adjacentibus Provinciis* – «Общий план Диких полей, проще говоря Украины» (опубликована впервые в Данциге в 1648 г, выполнена голландским гравером Гондиусом). Но нам наиболее интересна литературная работа Боплана – его знаменитое «Описание Украины», благодаря которому, собственно, Европа и получила первые систематизированные сведения об этом регионе.

«Описание Украины» – это современное название труда Боплана. Первое издание его книги вышло в 1651 г. и именовалось *Description des contrées du Royaume de Pologne, contenues depuis les confins de la Moscovie, insques aux limites de la Transilvanie* – «Описание окраин Королевства Польши, простирающихся от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании». То есть в этом случае термин «украйна» воспроизведен буквально в смысле «окраина». И лишь второе издание книги, вышедшее в Руане в 1660 г. получило заголовок *Description d'Ukraine, qui sont plusieurs provinces du Royaume de Pologne. Contenues depuis les confins de la Moscovie, insques aux limites de la Transilvanie* – «Описание Украины, которая является некоторыми провинциями Королевства Польши. Простирается от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании».

Если внимательно присмотреться к титульному листу книги, то несложно заметить, что слово «Украина» написано неверно – D'VKRANIE вместо D'VKRAINE. Это свидетельствует не столько о плохой памяти престарелого Боплана, который по прошествии 12 лет уже не мог

точно воспроизвести названия на неродном для него языке, сколько о том, что слово «Украина» еще совершенно неизвестно за пределами Польши.

Что касается украинцев, то о таковых Боплан, проведший на «Vkraine» более полутора десятков лет, ничего не знает и ни разу не упоминает. Для него местное население однозначно русское. Любопытно, что русских подданных польского короля он географически иногда противопоставляет москвитам. Например, правый берег Днепра он именует русским, а левый – московским. Южнее порогов русскому берегу противостоит уже берег татарский.

Совершенно очевидно, что в понятие «украина» автор вкладывал исключительно географический смысл, что видно с первых же строк из его посвящения королю Яну Казимиру: «...я, с глубоким почтением и совершенной покорностью, [осмелюсь] предложить Вашему королевскому величеству описание этой обширной пограничной Украины, находящейся между Московией и Трансильванией, приобретенной Вашими предками пятьдесят лет тому назад, пространные степи которой сделались теперь столь же плодоносными, насколько они были раньше пустынными». Совершенно очевидно, что выражение «пограничная Украина» (*lisiere d'Vkraine*) следует перевести на русский как «пограничная окраина», но иностранец Боплан решил сделать из польского слова «окраина» имя собственное, что в дальнейшем закрепилось в западноевропейской картографии.

Тем не менее ни сам Боплан, ни кто-либо из его современников даже не думал населить Украину украинцами. Сами местные жители почему-то тоже не догадывались, что являются украинцами и считали себя русскими. Это относится даже к казакам, которых современные укро-идеологи превозносят как самых истовых носителей украинства. Даже территорию Западной Украины, наиболее дерусифицированной сегодня, в XVII в. населяли русские. В 1648 г, подходя ко Львову, Богдан Хмельницкий писал в своем универсале: «Прихожу к вам как освободитель русского народа, прихожу к столичному городу земли червонорусской избавить вас от ляшской неволи».

Правда, избавителем знаменитый гетман был довольно своеобразным – осадив Львов, в котором практически не было польских войск, и пограбив для острастки окрестности, он потребовал контрибуцию в размере миллиона злотых. Особенно пикантный штрих «освободителям» придает то, что в их составе было большое число татар под предводительством Тугайбея – эти-то кого освобождать явились? Горожане, тихо матерясь себе под нос и вспоминая добрым словом ляхов, чьи разбойничьи аппетиты были куда более умеренными, три недели собирали сумму откупных. Но ничего удивительного в этом усмотреть нельзя. Это сегодня из казаков лепят таких украинских «лыцарей» без страха и упрека, единственным смыслом существования которых была борьба за «незалежну українську державу». В те же стародавние времена никакой «незалежности» им и даром было не надо, а самым мощным стимулом к военным предприятиям была жажда наживы. Вопрос о том, кого грабить, был, что называется техническим: сначала татар самостоятельно, потом турок при помощи поляков, потом поляков при участии татар, а по пути грабили любые города, где было чем поживиться – русские и валахские. Но украинские – точно не грабили, потому что таковых тогда не существовало.

Гетман Брюховецкий в своем универсале в 1664 г. писал, что движется на правую сторону Днепра с целью «освободить русский народ в украине от ярма иноверных ляхов». Освобождение он понимал тоже довольно специфически, присягнув еще более иноверному турецкому султану и желая отдать в его власть всю Малороссию. Русский народ его прогрессивных идей, мягко говоря, не понял. Брюховецкий был растерзан толпой. Но укро-историки за отсутствием подходящего материала решили вылепить из него героя лишь на том основании, что он, ранее раболепствующий перед русским царем, учинил против него бунт. Но это вообще характерная черта укро-истории – пантеон ее «героев» состоит практически из одних разбойников и изменников.

Когда же появились на свет божий украинцы и куда делись русские, ранее населяющие территорию нынешней Украины? Если вы попытаетесь искать ответ у укро-историков, то вряд ли будете удовлетворены. По их мнению украинцы СУЩЕСТВОВАЛИ ВСЕГДА. А раз так, то выделять какой-то хронологический рубеж, после которого уже можно вести речь об украинском народе, бессмысленно. Но поскольку какое-то «научное» подкрепление этой бредовой концепции все же необходимо, укро-идеологи с энтузиазмом занимаются сочинительством, выдавая на гора мегатонны «научовой» литературы, доказывающей, что древнеукраинский язык – санскрит – есть материнский для всех индоевропейских, а мифические арии – украинцы – изобрели плуг, колесо и приручили коня. Амазонки – это община украинских женщин-воительниц, от которых произошли казаки (казак – косак – от слова «коса», ибо амазонки заплетали волосы в косы). Овидий, если кто не знает – украинский писатель, писавший на древнеукраинском языке, а апостол Андрей – чистопородный украинец (Христос, наверное тоже, но пока этому не нашли убедительных подтверждений, хотя то, что он был арийцем, а не евреем, доказали еще нацистские идеологи). Разумеется, нельзя не упомянуть о знаменитом вожде гуннов Атилле: украинские «вчэни» точно установили, что это был украинский атаман Гатыла.

Но нас интересует вопрос довольно конкретный: когда в документальных источниках впервые упоминаются украинцы и Украина? Надо сказать, что укро-историкам несказанно повезло – слово «украина» в значении «окраина» встречается в старинных хрониках довольно часто. Переделать первую букву на заглавную – и дело с концом. Публикаторы очень часто делают это чисто механически совсем не там где надо. Например, после соответствующей редакции «Нового летописца»⁴ получается, что Украина еще в XVI столетии находилась под властью московских царей, которые ставили там города и защищали ее от набегов крымчаков. Но речь идет всего лишь о степных окраинах русского государства:

«36. О приходе крымских царевичей на украину. Наводит Бог за грехи наши когда голод, когда пожар, когда междоусобную брань. В том же году пришли на государеву украину царевичи крымские безвестно, на рязанские, и на каширские, и на тульские места <...>

40. О поставлении украинских городов. В том же году (в лето 7101 (1592/93)) царь Федор Иванович, видя от крымских людей своему государству войны многие, помыслил поставить по сакмам татарским города и послал воевод своих со многими ратными людьми. Они же поставили на степи города: Белгород, Оскол, Валуйку, Ливну, Курск, Кромы. И наполнили ратными людьми, казаками и стрельцами и жилецкими людьми; те же города его [царя] праведною молитвою укрепились и ныне стоят»⁵.

Укро-историки торжественно объявили казацкие чисто разбойничьи экспедиции против татар и войны с поляками борьбой за независимость Украины. Но даже в гетманских универсалах, как уже было показано выше, никакой «украинский народ» не упоминается, а слово «украина» обозначает всего лишь окраинные, пограничные земли. Иногда встречаются довольно непривычные для современного читателя фразы. Например Петр Дорошенко в одном из своих воззваний в 1670 г. упоминает «русский православный украинский народ». Разве может быть народ одновременно и русским и украинским? Может: «русский» – означает этническую принадлежность населения, «православный» – конфессиональную, «украинский» – географическую локализацию. То есть буквально выходит: русский православный народ, живущий на окраинах Польского королевства.

Нынешних укро-историков, вероятно, передергивает всякий раз, когда они встречаются в официальных казацких грамотах упоминание русского народа. Как гласит известная поговорка, из песни слов не выкинешь. Но укро-историки считают иначе, маниакально зачищая

⁴ «Книга, глаголемая Новый летописец» – одно из самых популярных произведений, описывающих русскую историю от последних лет царствования Ивана Грозного до первых лет по избранию на царства Михаила Романова. Известно в сотнях списков XVII–XVIII вв.

⁵ http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Nov_letopisec/text1.phtml

источники от всякой русскости. Просто в современных переводах на украинский язык слова «русский» они заменяют на «украинский», а там, где это невозможно, просто выкидывают. В припадке исторического мифотворчества укро-историки объявили, что первую в мире Конституцию приняли... украинцы. Конечно, все остальное человечество об этом не подозревает, будучи уверенным, что первую в истории человечества Конституцию приняли Соединенные Штаты в 1787 г. Но отморозенные на голову певцы украинской идеологии оспаривают этот факт, утверждая, что первенство принадлежит гетману Пыльпу Орлику.

Спрашивается, как могла существовать Конституция, если не существовало государства, на территории которого она действует? Мало того, «Пакты и Конституции прав и вольностей Запорожского войска», подписанные Орликом в присутствии разбитого Петром I шведского короля Карла XII и турецкого султана Ахмеда III в 1710 г. даже не декларировали создание независимой Украины, а констатировали ее вассальное положение по отношению к Швеции. Подписан сей договор был в Бендерах, и под его юрисдикцией находились лишь несколько тысяч эмигрантов-изменников, сторонников разгромленного и умершего к тому времени гетмана Мазепы.

Собственно, Конституцией в сегодняшнем смысле слова это соглашение не являлось, а было оно довольно заурядным договором между сепаратистами и их зарубежными покровителями. К тому же, если уж строго следовать исторической правде, то первая конституция, содержащая перечень казацких вольностей и прав, была дарована войску запорожскому русским царем Алексеем Михайловичем в 1659 г. Но суть даже не в этом, а в том, что «украинская конституция» начиналась с преамбулы: «Вечная слава и память войску Запорожскому и народу русскому», и в тексте документа поминается лишь «наша Отчизна, Малая Русь», но нет никакой Украины и украинцев. Да и написана орликовская «конституция» отнюдь не на украинском языке, а почему-то на латыни. Черновики Орлик кропал на русском. «Украиномовную» копию (копию с чего?) «свидомые» историки спешно отыскивали накануне юбилея события в 2009 г.

По всему выходит, что ни Украины, ни украинской национальности не существовало еще в XVII в., а «вожди украинского народа» не владели украинским языком. После окончательного установления над Малороссией, Запорожьем, Вольнью и Подолией господства России, они тем более не могли появиться. Кто же тогда это такие – украинцы? Очень точно истинную суть явления передал русский публицист и историк Андрей Стороженко в изданной в 1925 г. в Берлине брошюре «Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям» (под псевдонимом А. Царинный):

*«Украинцы» – это особый вид людей. Родившись русским, украинец не чувствует себя русским, отрицает в самом себе свою «русскость» и злобно ненавидит все русское. Он согласен, чтобы его называли кафром, готтентотом – кем угодно, но только не русским. Слова: Русь, русский, Россия, российский – действуют на него, как красный платок на быка. Без пены у рта он не может их слышать. Но особенно раздражают «украинца» старинные, предковские названия: Малая Русь, Малороссия, малорусский, малороссийский. Слыша их, он бешено кричит: «Ганьба!» («Позор!» От польск. *hańba*). Это объясняется тем, что многие из «украинцев» по тупости и невежеству полагают, будто бы в этих названиях кроется что-то пренебрежительное или презрительное по отношению к населению Южной России. Нам не встречалось ни одного «украинца», который захотел бы выслушать научное объяснение этих названий и правильно усвоить себе их смысл»⁶.*

Для малоросса Стороженко в 1924 г., когда им был написан этот очерк, русофобия «украинцев» была настолько труднообъяснимой, что он пытался обосновать ее с позиций очень популярной и авторитетной в то время расовой теории: дескать, хотя малороссы есть русские, в них присутствует большая примесь тюркской крови. «Наблюдения над смешением рас пока-

⁶ http://www.ukrstor.com/ukrstor/zarinnyj_dwizhenije.html

зывают — пишет он, — что в последующих поколениях, когда скрещивание происходит уже только в пределах одного народа, тем не менее, могут рождаться особи, воспроизводящие в чистом виде предка чуждой крови». Именно эти чужеродные особи по мнению Стороженко и являются носителями украинства. Поскольку рецессивные признаки проявляются относительно редко, то и «украинцы» в этом случае не могут составить большинство народа.

Не стоит смеяться над наивностью Стороженко, полагающего, будто этническое самосознание передается по наследству биологически. По сей день это заблуждение распространено неимоверно широко. Например, очень часто даже у весьма просвещенных авторов встречается словосочетание «генетическая память народа» и тому подобные. Никакой генетической памяти в смысле памяти культурной или биологической предрасположенности к восприятию определенных идей и взглядов не существует. Негр, родившийся в Москве после Олимпиады-80 не является носителем даже очень смутных воспоминаний о племени тумба-юмба, а воспитанный в традициях русской культуры, является абсолютно таким же русским, как и «афророссиянин» Александр Сергеевич Пушкин, чей прадед по матери был представителем африканской народности котоко.

С высоты сегодняшних научных знаний о массовой психологии мы можем уверенно утверждать, что воспитание национального самосознания есть процесс не только стихийный (тем более, не имеющий отношения к биологии), но и в значительной степени управляемый. Для обозначения этого процесса введен даже специальный термин – этнополитика – управление этническими процессами. Этнические процессы делятся на этнотрансформационные и этноэволюционные. В первом случае при всех объективных изменениях не меняется самосознание этноса. При этноэволюции изменения столь глубоки, что меняется этническая самоидентификация. По типу этнические процессы могут быть этнообъединительными и этноразъединительными.

Образования украинского этноса происходит, говоря по-научному, путем этносепаляции, то есть отделения от народа его части, обычно сравнительно небольшой, которая со временем превращается в самостоятельный этнос. Этносепаляция может носить естественный характер, когда новый этнос образуется путем изоляции от основной части народа некоторой ее части, например, при переселении. Неестественная этносепаляция происходит при действиях насильственного характера (оккупация, религиозно-культурное насилие и т. п.)

Поскольку русские жили на географически неразрывном пространстве, появление украинцев нельзя считать процессом естественным, таким, как разделение русского народа на различные этнические группы вследствие различия условий обитания. Например, только в Сибири сложилось несколько русских субэтносов: индигирцы, марковцы, якутяне, карымы и другие. Образование украинцев носило характер целенаправленного «лабораторного» синтеза.

Современная этнология в свете сложности вопроса украинского этногенеза старается обходить его стороной, предпочитая отмечать лишь естественные факторы этого процесса. Поэтому научное объяснение появления украинского этноса условиями самостоятельного политического развития Юго-Западной Руси или влияния Польши, выглядит совершенно смехотворно и даже откровенно антинаучно. Никакого самостоятельного политического развития Юго-Западная Русь никогда не знала, всегда пребывая в составе Литвы, Польши или России. Появление же вследствие взаимодействия двух народов третьего – такая же фантастика, как и образование самостоятельного языка на стыке двух других. Железный закон языкознания состоит в том, что при взаимовлиянии двух языков всегда один поглощает другой, но никогда не образуется третий.

Немцы антропологически практически неотличимы от славян. Собственно, многие немецкие субэтносы, например, силезцы – это германизированные славяне. Но разве в процессе многовекового взаимодействия германских племен со славянами и балтами возник самостоятельный этнос? Нет, потому что это в принципе невозможно. Большинство иноязычных

племен на пути тевтонского «натиска на восток» были полностью германизированы. Точно так же на стыке взаимодействия германского и славянского миров не сложился никакой новый язык. Да, в чешском языке неимоверно много германизмов, но ядро языка осталось славянским. Если бы это ядро в результате настойчивой культурной ассимиляции разрушилось, то чешский язык просто исчез бы из обихода (так стали мертвыми большинство языков балтийской группы). Чехи, переняв немецкий язык, утратили бы и свою славянскую идентичность, и сегодня считали бы себя немцами наравне с баварцами, пруссаками и саксонцами.

Православные подданные польского короля никогда не забывали о том, что они русские (руськие) и говорили на русском языке (руськой мове). Боплан отмечал в своем сочинении, что исповедуя греческую веру, местные жители называют ее именно русской. Региональной особенностью местного диалекта было большое количество полонизмов, но это не дает повода считать руську мову самостоятельным языком, тем паче, что 400 лет назад русский и польский языки были значительно ближе друг к другу, чем сегодня. Начиная с петровских времен, русский язык получил колоссальную инъекцию заимствований из европейских языков. При этом новые слова заимствовались не только с новыми понятиями, но и замещали старые (древнее «стан» было почти вытеснено немецким словом «лагерь»). Однако от этого язык не разорвал связь со старорусскими корнями и не изменил своего строя, принципов словообразования. Заимствованная лексика была стремительно русифицирована. Например, трудно поверить, что слово «мастер» является иностранным. Из какого языка оно заимствовано, сказать трудно, но ни в немецком *meister* ни в английском *master* не дают такого колоссального количества производных слов: мастерство, мастерской, мастерица, подмастерье, мастерская, мастерок, мастерить, мастерски.

Да, русская правящая верхушка в Литве и Польше полонизировалась, но это означало смену этнической, культурной, религиозной идентичности, а не появление новой этнической общности. После расширения российских границ на запад в XVII–XVIII вв. процесс пошел в обратном направлении: дворянская верхушка начинает естественным образом русифицироваться (мне больше нравится слово «русеть»), причем это относится не только к ранее полонизированной шляхте, но даже к остзейскому немецкому дворянству. Но при этом часть шляхты, в том числе и имеющая русское происхождение, сохранила свою польскую идентичность. Резюмируя, можем сказать: никогда из сложения двух народов не получается третий народ; при взаимодействии двух языков один со временем всегда поглощается другим без малейшего шанса перерождения в третий⁷.

Итак, естественным образом украинцы, как самостоятельный народ, просто не имели шанса возникнуть. Но принципы контролируемого формирования национального самосознания были эмпирически открыты довольно давно. Член иезуитского ордена «Воскресшие из мертвых» галицкий ксендз Варфоломей Калинка в середине XIX в. провозглашал такую концепцию борьбы с Россией:

«Между Польшей и Россией живет огромный народ, ни польский, ни российский. Польша упустила случай сделать его польским, вследствие слабого действия своей цивилизации. Если поляк во время своего господства и своей силы не успел притянуть русина к себе и переделать его, то тем меньше он может это сделать сегодня, когда он сам слабый; русин же стал сильнее, чем прежде. Русин сегодня сильнее вследствие сознания своей национальности, ослабления польского элемента и демократического духа, проникающего его. Сельский русский люд не сознает еще своей национальности, но не любит ляха, как своего господина, богатого человека и исповедника иной веры. Просвещенные русины ненавидят ляха еще больше, чем простонародье, и в этом нерасположении поддерживают его.

---

⁷ Такой культурный феномен как двуязычие находится за рамками рассматриваемого вопроса. Но даже в случае, когда целые народы говорят одновременно на двух языках, не происходит их слияния.

Все русины вместе состоят материально под властью и нравственно под влиянием России, которая говорит подобным же языком и исповедует ту же веру, которая зовется Русью, провозглашает освобождение от ляхов и единение в славянском братстве, и при этом раздает земли и леса ляхов, где может, и обещает их повсюду, где раздать еще не может. Исторический процесс, начавшийся при Казимире, продвинутый вперед Ядвигаю, законченный передвижением католичества и западной цивилизации на 200 миль к востоку, проигрывается настоящими поляками на наших глазах. Контрнаступление Востока на Запад, начатое бунтом Хмельницкого, катится все дальше, и отбрасывает нас к средневековой границе [династии] Пястов. Окончательный приговор еще не пал, но дело обстоит хуже некуда...

...Как нам защитить себя? Чем?! Силы нет, о праве никто не вспоминает, а хваленая западная христианская цивилизация сама отступает и отрешается. Где отпор против этого потопа, срывающего все преграды и катящегося, сбивая все на своем пути, несущегося неостановимо и затопляющего все окрест? Где?!

Быть может, в отдельности этого русского (малорусского) народа. Поляком он не будет, но неужели он должен быть москалем?! Сознание и желание национальной самостоятельности, которыми русины начинают проникаться, недостаточны для того, чтобы предохранить их от поглощения Россией. Опорная сила поляка хранится в его душе, – между душою русина и душою москаля, однако, основного различия нет, нет непереходимой границы...

Была бы она, если бы каждый из них исповедовал иную веру, и поэтому-то уния была столь мудрым политическим делом. Одному Богу ведомо будущее, но из естественного сознания племенной отдельности могло бы со временем возникнуть пристрастие к иной цивилизации и, в конце концов, – начав с малого – к полной отдельности души. Раз этот пробуждавшийся народ проснулся не с польскими чувствами и не с польским самосознанием, пускай останется при своих, но эти последние пусть будут связаны с Западом душой, а с Востоком только формой.

С тем фактом (т. е. с пробуждением Руси с не-польским сознанием) мы справиться сегодня уже не в состоянии, зато мы должны постараться о таком направлении и повороте в будущем потому, что только таким путем можем еще удержать Ягайлонские приобретения и заслуги. Только этим способом можем остаться верными призванию Польши, сохранить те границы цивилизации, которые оно предначертало. Пускай Русь останется собой и пусть с иным обрядом, но будет католической – тогда она и Россией никогда не будет и вернется к единению с Польшей. Тогда возвратится Россия в свои природные границы – и при Днепре, Доне и Черном море будет что-то иное... А если бы – пусть самое горшее – это и не сбылось, то лучше [Малая] Русь самостоятельная, нежели Русь российская. Если Грыць не может быть моим, то да не будет он ни моим, ни твоим! Вот общий взгляд, исторический и политический, на всю Русь!»⁸

Чаще всего в переводе на русский язык этих изречений Калинки присутствуют слова «Иную душу влить в русина – вот главная задача для нас, поляков!». Но в оригинале они отсутствуют. Кто приписал иезуитскому деятелю эти слова, неизвестно.

Что же это за народ – русины – ни польский, ни российский? Галиция, где развил свою бурную деятельность Калинка, после раздела Польши находилась в составе Австро-Венгрии. В западной части Галиции преобладало польское население, в восточной – русское. По-немецки местное население именовалось рутенам, а местные жители называли себя руськими (в единственном числе – русин). Но при этом русином был, что называется, поп да холоп, а господствующий класс в Восточной Галиции был представлен поляками. Зная степень «гуманизма» поль-

⁸ Stanislaw Tarnowski, hrabia, «Ksiadz Waleryan Kalinka», W Krakowie, 1887.

ского панства, неудивительно, что Калинка констатирует лютую ненависть русских к своим господам.

Независимой Польши в то время не существовало. В состав Российской империи входило полусамостоятельное Царство Польское, часть польских земель без каких либо прав на автономию принадлежала Австрии и Пруссии. Однако отсутствие единого польского государства не означало прекращение существования польского самосознания, на основе которого оформилось мощное движение за возрождение Речи Посполитой. Во время шляхетских восстаний в Галиции в 1846 г. и 1848 г. русское крестьянство энергично выступило на стороне правящей династии Габсбургов, что, разумеется, лишь увеличило пропасть отчуждения между панам и их холопами, несмотря на последовавшую отмену крепостного права. Русины, конечно, не питали особых симпатий к венским «цесарям», но ненависть к шляхте была такой, что они и с чертями побратались бы, заяви те о своем желании наказать панов.

Первоначально при дворе решили в противовес полякам культивировать рутенскую идентичность, как отличную от русской. Термин латинского происхождения Ruthenen был официально утвержден, дабы подчеркнуть отличие местного населения от Russen – российских подданных. Губернатор Галиции граф Франц Стадион фон Вартгаузен вызвал к себе представителей русского движения «будителей» и пригрозил репрессиями в случае, если галичане будут придерживаться мнения о том, что являются одной нацией с русскими. Однако, в случае согласия галицко-русского населения объявить признать себя рутенами, оно, дескать, может рассчитывать на благосклонность властей.

Выбор был не богат, «будители» согласились следовать в русле имперской политики и подписали известное заявление «Мы не русские, мы – рутены» (искусственность образования нового народа путем простого переименования русских стала тут же в империи предметом сатиры). В дальнейшем от имени рутен были опубликованы несколько верноподданнических заявлений. Результатом соглашения стало создание 2 мая 1848 г. первой русской политической организации Галиции – Головной русской рады. Возглавил ее униатский епископ Григорий Яхимович. Во Львове «была открыта семинария «Коллегиум рутенум» – «Русская коллегия», в Перемышле открылось специальное учебное заведение для подготовки учителей и священников из русского населения. Возникла и первая русская газета «Пчола галицка», издававшаяся первоначально на народном диалекте. Главными требованиями Головной рады был раздел Галиции на польскую и русскую (с объединением в составе русской провинции Буковины и Закарпатья) и уравнивание в правах униатского духовенства с католическим.

Поляки отнеслись к рутенскому движению резко отрицательно, однако вскоре переменили свое отношение. Эта метаморфоза связана с именем прибывшего из России поляка Герика Яблонского, знакомого с зародившимся там движением украинофилов. Он постарался убедить польскую общественность, что гораздо целесообразнее не противостоять русскому национальному возрождению, а взять его под контроль, придав ему пропольский курс. В итоге усилий Яблонского был создан «Русский собор», где доминирующее положение, однако, занимали поляки. «Русский собор» стал издавать латиницей газету *Dnewnyk Ruskiy*. Но особенно показательным то, что с самых первых дней существования основанного поляками «Русского собора» главным врагом русинско-польского содружества была объявлена... Россия и ее царский режим. Впрочем, никакого влияния на массы эта организация не приобрела, а ее газета заглохла после выхода нескольких номеров.

Императорский режим, верный принципу «разделяй и властвуй», умело играл на русско-польских противоречиях, в условиях усиления польского движения, всячески заигрывая с русскими. Но в 1849 г. по просьбе Франца-Иосифа I русский император Николай I отправил на помощь Австрии войска для помощи в подавлении венгерского восстания. Русская армия прошла через Галицию, где в период боевых действий находилась ее главная тыловая база. Встреча с русскими солдатами пробудила у галичан национальное сознание, и в 1850-х годах

начинается бурное культурно-политическое движение в Галицкой Руси, стержнем которого стала идея общерусского единства. В Вене смекнули, что так недолго и до требований воссоединения с Россией, а сепаратизм польский в отсутствие Польши казался куда менее опасным, чем сепаратизм русский в приграничном с Россией регионе.

Поэтому вскоре рутенский проект был свернут, а на вооружение Габсбурги взяли предложенную поляками украинскую доктрину, как имеющую ярко выраженный антирусский окрас. «Рутены не сделали, к сожалению, ничего, чтобы надлежащим образом обособить свой язык от великорусского, так что приходится правительству взять на себя инициативу в этом отношении», – заявил наместник императора Франца-Иосифа в Галиции граф Агенор Голуховский, сменивший фон Вартгаузена в 1849 г. От культивирования рутенизма новые пропольские власти в Галиции перешли к привычной им полонизации. В 1851 г. Головная русская Рада закрывается, в 1859 г. предпринимается попытка перевести письменность русин на латиницу. Закончилось это предприятие полнейшим провалом, однако в среде самого русинского движения обозначились противоречия, подсказавшие властям, в каком направлении следует действовать.

В среде молодой интеллигенции стала проявляться тяга к созданию собственного русинского языка на основе фонетического правописания («как слышу, так и пишу»), тогда как русины старшего поколения были настроены на унификацию грамматики по правилам русского литературного языка. Нетрудно понять, что в первом случае происходила бы консервация местного говора, во втором же неизбежным было его сближение с общерусским языком. Впоследствии эти разногласия вылились в раскол русинского движения на «старорусскую партию» и «народовцев».

Поляки, занявшие при Голуховском доминирующее положение в галицийской администрации, встали на сторону народовцев. В начале 60-х годов в Галиции начинает распространяться литература украинофильской направленности, в печати внедряется фонетическое правописание, так называемая кулишовка, созданная Пантелеймоном Кулишом⁹. Украинофильство, завезенное в Галицию из России, было явлением скорее политическим, нежели культурным.

Собственно, таковым оно было и в России. Выпячивание этнографических особенностей народонаселения бывших польских окраин было лишь поводом для пропаганды идей польско-русского содружества в борьбе против царизма за свободу Польши. Поскольку врагом поляки видели все тех же русских, возникла необходимость как-то отличать своих русских от чужих. Так в пропагандистский оборот вошло польское региональное прозвище малороссов – украинцы, но обозначением национальности оно еще не стало. Не было еще украинцев, народ о таковых не слышал, а были украинофилы, то есть сторонники пропольского политического движения, приправленного некоторой долей регионального сепаратизма. За пределы узкой прослойки полонизированной интеллигенции экзотические идеи украинофильства не выходили.

Даже создатель кулишовки, которую укро-идеологи нынче объявили первым украинским алфавитом, украинцем себя не считал. Увидев, что созданная им грамматика используется галичанами в политических целях, он заявил о готовности отречься от своего изобретения: *«Видя это знамя в неприятельских руках, я первый на него ударю и отрекусь от своего правописания во имя Русского единства»*. Но народовцы, сделавшие Кулиша своим знаменем, уже не интересовались его мнением.

Любопытно, что алфавит Кулиша не был изобретен им, а частично заимствован у русинских деятелей Якова Головацкого (к нему обращено цитируемое выше обращение Кулиша),

---

⁹ *Кулиш Пантелеймон Александрович* (1819–1897 гг.) – один из первых в России «украинцев», писатель, участник Кирилло-Мефодиевского братства. Начинать писать он на русском языке, однако потом изобрел собственную грамматику для крестьянского языка Малороссии и стал с 1857 г. писать новым письмом.

Маркиана Шашкевича и Ивана Вагилевича (был редактором пропольского журнала *Dnewnyk Ruskij*), впервые использовавших фонетическое правописание в альманахе «Русалка днестровая», изданном в 1837 г. в Венгрии. На изобретение собственной грамматики издателей подвигло, видимо, запрещение изданий на русском языке, введенное в Австрии в 1822 г. Но «русалочное» правописание стало лишь единичным эпизодом и не прижилось. Довольно показательна судьба бывших единомышленников, издавших этот альманах. Яков Головацкий, ставший ректором Львовского университета, встал в дальнейшем на позиции общерусского единства, перешел в православие и эмигрировал в Россию. Вагилевич же окончательно склонился к польскому лагерю (он, собственно и считается польским писателем), перешел из унии в протестантство. Неизвестно, как сложилась бы жизнь Шушкевича, не умри он в возрасте 32-х лет в 1843 г.

Раскол русинов окончательно произошел в 1870-е годы. Народовцы стали именовать себя сначала «русскими» (мягкий знак подчеркивал их отличие от русофилов, которые писали «русский» или «русский»), а затем и украинцами. Сторонников же общерусского единства они стали называть москвофилами. То есть изначально слово «украинец» не являлось названием народа, а означало принадлежность к политической партии. В 1880-е годы австрийские власти начинают широкомасштабную борьбу с москвофильством, взяв в союзники народовцев-украинцев. В 1882 г. имел место громкий судебный процесс над русскими галицкими деятелями по обвинению в государственной измене, известный под именем «процесс Ольги Грабарь», положивший начало целой серии подобных политических судилищ. Особый упор обвинение делало на то, что подсудимые, пропагандируя идею общерусского единства, утверждали, что язык русинов и есть русский язык. В то же время начинается наступление католичества на униатскую церковь.

Годом официального рождения украинской народности надлежит считать 1890 г., когда избранные при польской поддержке депутатами галицкого сейма депутаты Юлиан Романчук и Анатолий Вахнянин выступили с заявлением, что народ, населяющий Галицию – это украинцы, и они не имеют ничего общего с русскими. До этого момента слово «украинец» не использовалось широко даже самими народовцами, ибо их просто не поняли бы русины, чьи интересы они якобы защищали. Романчук в сейме возглавлял депутатское объединение «Русский клуб». В сейме следующего созыва русских депутатов уже не было, их места заняли депутаты-украинцы.

С этого момента в Галиции начинается тотальная украинизация. Важным шагом в этом направлении стало введение нового правописания, придуманного финансируемым правительством Научным обществом имени Шевченко. Несмотря на резкое неприятие со стороны русинского образованного слоя, оно стало вводиться в школах, судах и учреждениях. В 1892 г. фонетическая орфография была признана министерством народного просвещения официальным правописанием в Галиции и Буковине. Современный украинский алфавит был создан довольно нехитрым способом путем изъятия из русской азбуки трех букв и введения в нее двух новых.

Подавляющее большинство русинов не поддержали украинцев, которые открыто демонстрировали свою иудину сущность. Так украинский депутат Барвинский провозглашает, что «каждый украинец должен быть добровольным жандармом и следить и доносить на москвофилов». Однако усиленная поддержка украинства властями и непрекращающийся политический и культурный террор сделали свое дело: все большее количество русских стали переходить в лагерь украинцев. В то время в Галиции стал наблюдаться невиданный нигде ранее феномен: у русских родителей начали рождаться дети украинцы. Школа, церковь, печать, политическая пропаганда – все работало на создание украинской народности. С учащих духовных семинарий в обязательном порядке брали такую расписку: *«Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, а лишь украинцем и только украинцем».*

Человек, открыто заявлявший о своем неприятии украинства и придерживавшийся русской культурной традиции, подвергался всевозможным ущемлениям: он не мог устроиться учителем (в школах и гимназиях могли преподавать только украинцы), получить образование, устроиться на государственную службу, подвергался политическим репрессиям. Получить ссуду в банке мог лишь украинский крестьянин. Полиция вела обширную картотеку на неблагонадежных русских, отмечая в специальной графе, что надлежит с ними сделать в случае войны – кого арестовать, кого всего лишь выслать.

В Буковине австрийцы действовали более тонкими методами, нежели в Галиции. Объясняется это тем, что помещики здесь были не польскими, а румынскими, которые, сами будучи православными, терпимо относились к религии и языку своих крестьян. Поэтому здесь была создана сеть бесплатных бурс, где готовилась преданная престолу украинская интеллигенция. В мае 1910 года австрийские власти, выдвинув обвинения в шпионаже и государственной измене, закрыли все буковинские русинские организации, включая курсы кройки и шитья Общества русских женщин, а также русские общежития для учащейся молодежи – бурсы – в Черновцах и Серете. Имущество организаций было конфисковано. Перед началом Первой мировой войны более чем трехмиллионное русское население Австро-Венгрии раскололось примерно на две равные части – украинцев и русин. Окончательное размежевание происходит в 1914 г., когда с началом войны в Галиции происходит поощряемая властями русско-украинская резня, в результате которой погибло несколько десятков тысяч русин (называются цифры до 60 тысяч жертв).

Судьба выживших была тоже незавидной. Более 20 тысяч русин, заподозренных в симпатиях к России, прошли через концентрационный лагерь Талергоф, из них три тысячи погибли. Несколько тысяч русин содержалось в концлагере Терезин. Жертв было бы гораздо больше, но в 1914 г. в результате успешного наступления русская армия занимает большую часть Галиции. При отступлении в 1915 г. с армией эвакуируются и множество русин, опасавшихся мести австрийцев и украинцев. Кстати, австрийские концлагеря стали первыми в Европе, Терезину же принадлежит рекорд по времени использования: он пригодился немцам во время следующей мировой войны, а в 1945–1948 гг. чехи пользовали его в качестве транзитной тюрьмы для депортируемых немцев. Украинцы же верой и правдой служили Габсбургам, созданные австрийскими властями на базе военизированных украинских организаций «Сокол» и «Пласт» формирования сичевых стрелцов воевали на Восточном фронте.

Не смотря на титанические усилия правительства Австро-Венгрии, венгров, поляков и их прихвостней-украинцев, русское самосознание в Галиции, Буковине и Закарпатье не было полностью уничтожено. В Чехословакии в 30-е годы происходит даже мощный всплеск русского культурного возрождения. В 1937 г. в Закарпатской Руси, находившейся тогда в составе Чехословакии, под влиянием украинской пропаганды встал вопрос: на каком языке – русском или украинском вести преподавание в школах. Произведенный плебисцит дал следующие результаты: за преподавание на русском языке – 86 %; на украинском – 14 %. В 1938 г. эта часть Словакии была оккупирована Венгрией, где после воссоединения Западной и Восточной Украины в 1939 г. зародилось мощное движение за присоединение Закарпатской Руси к СССР, причем во главе его стояли не интернационалисты-коммунисты, как можно было бы предположить, а Русская национальная партия, возглавляемая депутатом венгерского парламента Стефаном Фенциком. До весны 1941 г. около 20 тысяч русин нелегально перешли границу и приняли советское гражданство.

Сегодня русинов официально не существует, так как советские вожди поголовно записали их в украинцы, чего не удавалось даже австрийским императорам. После присоединения Закарпатской Руси к Советскому Союзу, эта область в 1945 г. вошла в состав УССР, и всех русинов заставили учить в школе «украинську мову». Спрашивать мнение население по этому вопросу в ССР было не принято. Между тем сами русины до сих пор упорно не желают призна-

вать себя украинцами. В июне 1999 г. в Ужгороде состоялся 5-й Всемирный конгресс русинов, потребовавший от киевского правительства признать русин, численность коих на Украине – 700 тысяч, равноправным этносом, открыть русинские школы, кафедру русинского языка при Ужгородском университете и т. д. Еще в декабре 1991 г. в Закарпатье был проведен местный референдум о предоставлении ему статуса автономии. «За» проголосовало 78 % населения, но Киев к тому времени был во власти торжествующих русофобов-самостийников, которые торжественно объявили, что будут строить европейскую демократию и права человека. А при европейской демократии автономия и права человека положена только друзьям ЦРУ и НАТО, например, косовским албанцам. Поэтому самостийники сделали вид, что никакого референдума в Закарпатской Руси не было.

Итак, можно уже сделать некоторые выводы. Украинцы, как этническая общность, появляются на исторической сцене только в 90-х годах XIX в. в Австро-Венгрии, когда понятие «украинец» из чисто политического начинает превращаться в признак этнической самоидентификации. Причиной рождения «украинской нации» стала политическая конъюнктура, а именно необходимость противостояния России и русскому влиянию. Русофобия есть главная черта украинца с самого зарождения украинства. Датой официального рождения украинского языка и унифицированного алфавита надлежит считать 1892 г., когда он начал официально насаждаться в Галиции. До того момента существовали лишь различные системы фонетического правописания, которые чуть ли не всякий украинофил выдумывал для себя сам. Широкого хождения они не имели, тем более, не получали официального признания. Впервые существование украинского народа, как отдельной национальности было признано в Австро-Венгрии в 1915 г.

Кто придумал украинцев?

Но австрийские поляки не сами изобрели украинство, а всего лишь взяли на вооружение наработки своих российских соплеменников. Честь изобретения украинцев принадлежит польскому писателю Яну Потоцкому, который в своем сочинении «Историко-географические фрагменты о Скифии, Сарматии и славянах», изданном в Париже на французском языке в 1795 г., сформулировал концепцию о том, что украинцы, населявшие малопольскую Украину, являются народом, отдельным от русского и имеющим совершенно самостоятельное происхождение. Частично гипотеза Потоцкого базировалась на популярной в то время в Польше сарматской теории, по которой поляки были прямыми наследниками этого легендарного племени, одним из ответвлений которого автор считал украинцев. Никакой научностью это писание, разумеется, не обладало, а являлось пропагандистским ответом на раздел Польши. Мысль, которую пытался обосновать автор, была довольно прямолинейна: поскольку украинцы не имеют никакого отношения к русским, ни культурно, ни исторически, то никаких исторических прав на земли к западу от Днепра Россия не имеет. Пропаганда эта была, разумеется, рассчитана на западного читателя, имеющего слабые представления о восточноевропейской этнографии.

Творчески переосмыслил украинскую концепцию другой польский деятель – публицист, историк, библиофил Тадеуш (Фаддей) Чацкий. В 1801 г. он написал псевдонаучную работу «О названии «Украина» и зарождении казачества», в которой выводил украинцев от выдуманной им орды укров, якобы переселившихся в VII в. из-за Волги. Деятельность этих польских «просветителей» носила вовсе не научный, а хорошо организованный политический характер. Дело в том, что на русском престоле с 1801 г. восседал Александр I, этакий Горбачев XIX в., проводивший раблепную прозападную политику. Хуже всего, что император страдал полонофилией и дошел в ней до такой крайности, что даже назначил министром иностранных дел ярого русофоба Адама Чарторыйского, который в будущем, во время польского восстания 1830–1831 гг., возглавит правительство мятежников.

При Александре двор и государственные учреждения были буквально облеплены польской шляхтой, которая вдруг воспылала любовью к своим русским победителям. Но за показным конформизмом скрывалось желание отомстить России при первом же удобном случае. Этот феномен даже получил свое название – валленродизм. В 1828 г. Адам Мицкевич написал свою известнейшую поэму «Конрад Валленрод» с довольно двусмысленным сюжетом. Главный герой произведения литовец Вальтер Альф после того как крестоносцы убили его родителей, попадает в рыцарский замок, где его воспитывают христианином. Но находящийся в плену в замке старый вайделот (литовский народный певец, аналогичный скандинавскому скальду) внушает ему любовь к поработенной родине и ненависть к крестоносцам. В первом же сражении Альф переходит на сторону литовцев, поселяется у литовского князя Кейстута и женится на его дочери Альдоне. Однако не видя способа отразить натиск врага, он покидает семью и проникает в ряды крестоносцев, где под именем Конрада Валленрода делает стремительную карьеру, став в конце концов гроссмейстером ордена. Далее он, совершив ряд предательств, приводит орден к гибели. Подобная доктрина была воспринята шляхтой как руководство к действию.

Ян Чацкий, выполнявший при Чарторыйском дипломатические поручения русского правительства, в 1806 г. избран почетным членом Императорской Академии наук. Его брат, видный масон Северин Чацкий – камергер, член Государственного совета, действительный тайный советник. Первым малороссийским этнографом стал поляк Адам Чарноцкий, в свое время дезертировавший из русской армии и поступивший на службу к Наполеону (участвовал во вторжении в Россию). Вернувшись в 1819 г. в Россию, он, скрываясь под именем Зориана Доленги, снискал расположения императора. Александр I приказал зачислить Чарноцкого в

состав Министерства народного просвещения и выдавать ему по 3000 руб. серебром в год на осуществление его «ученых путешествий», причем губернаторам и прочим местным властям приказано было оказывать Чарноцкому всяческое содействие.

Большое, почти абсолютное влияние приобрели поляки в системе образования Юго-Западного края. На ниве народного просвещения отметился и протезе Чарторыйского, бывшего попечителем Виленского учебного округа (включал также Киевскую, Волынскую и Подольскую губернии), Фаддей Чацкий – основатель Кременецкого лицея. Как пишет в очерке «Украинское движение» Андрей Стороженко, *«в первой четверти XIX века появилась особая «украинская» школа польских ученых и поэтов, давшая чрезвычайно талантливых представителей: К. Свидзинский, С. Гоцинский, М. Грбовский, Э. Гуликовский, Б. Залесский и мн. другие продолжали развивать начала, заложенные гр. Я. Потоцким и Ф. Чацким, и подготовили тот идейный фундамент, на котором создано здание современного нам украинства. Всеми своими корнями украинская идеология выросла в польскую почву»*.

Кременецкий (позднее Волынский) лицей ставший настоящим рассадником полонофильской интеллигенции, в 1831 г. после разгрома польского восстания был закрыт, в дальнейшем был переведен в Киев и преобразован в университет имени Святого Владимира. Еще одним сильнейшим очагом польского влияния стал Харьковский университет, что совсем не удивительно, если учесть, что его первым попечителем стал Северин Потоцкий, полностью подобравший профессорский состав. Это объясняет то, что маргинальные идеи украинства Потоцкого и Чацкого со временем укоренились в среде южнорусской интеллигенции. Харьковский университет стал настоящей кузницей украинства в России. Из его стен выпорхнули на волю в числе прочих деятелей украинства Петр Гулак-Артемовский, один из родоначальников укро-литературы, историки Дмитрий Богалей и Николай Костомаров.

Последний наиболее наглядно представляет собой портрет типичного украинца того времени. Родители Николая Ивановича были русскими, сам он родился русским, однако является украинским писателем и историком. «Украинский язык» он выучил уже в зрелом возрасте и принялся строчить на нем стихи и пьесы, впрочем, весьма посредственные. Учение своих польских предшественников об отдельности украинского народа ярый русофоб Костомаров адаптировал для внутреннего, так сказать, употребления, выдвинув тезис о двух ветвях восточнославянского народа – малороссах и великороссах. Одновременно с Костомаровым действовало целое направление польской общественно-исторической мысли, вообще отрицавшее славянское происхождение русского народа, якобы имеющего финно-тюркское происхождение. Поскольку убедить в этом кого-либо было крайне трудно, возникла еще одна мистическая концепция, постулирующая наличие в славянском мире двух полюсов – носителями метафизического добра были поляки (коллективный Христос), а русские, естественно, объявлялись коллективным воплощением дьявола и носителем всего плохого, вредного и греховного.

До Костомарова никому и в голову не приходило делить единый русский народ на отдельные ветви, хотя о диалектических особенностях различных говоров писал еще Ломоносов, выделяя в русском языке три разговорных наречия – северное, московское и малороссийское. При этом Михаил Васильевич подчеркивал, что различия между русскими говорами, несмотря на обширность ареала расселения народа, значительно меньшие, нежели между немецкими диалектами. Но, не смотря на очень большие различия между верхнерейнским и восточно-прусским диалектами, немцы сегодня пользуются единым литературным языком, а единое русское языковое пространство в XX в. было разрушено на три части. До Костомарова понятие великоросс считалось сугубо географическим, обозначая коренного жителя 30 великороссийских губерний.

Так вот, сначала стараниями украинствующего историка Костомарова в «научный» обиход была введена искусственная схема разделения народа на некие ветви, а потом словосочетание «малорусская народность» постепенно, но целенаправленно заменялось украинствующей

интеллигенцией выражением «украинский народ». Но никакого укоренения в массовом сознании эта концепция не получила, официально распропагандирована она была лишь в советское время.

Вообще, в Российской империи украинствующая интеллигенция существовала совершенно отдельно от народных масс, варясь в собственном соку. Да и какую связь мог иметь с несуществующим украинским народом русский по происхождению Костомаров или столь же русский родоначальник украинской исторической «науки» Михаил Грушевский, который по-украински говорить толком не научился, а уж писал на укро-мове настолько убого, что некоторые его фразы без полулитры горилки понять совершенно невозможно? Даже родоначальник украинского литературного языка Тарас Шевченко думал по-русски, и по-русски же делал в течение всей жизни интимные дневниковые записи, где не надо было притворяться украинцем. Украинская «Жорж Санд» Марко Вовчок тоже была урожденной русской Марией Вилинской, а украинством увлеклась, выйдя замуж за украинофила Афанасия Марковича.

Впрочем, региональная малороссийская литература второй половины XIX в. к украинскому языку имеет отношение весьма отдаленное, потому как украинского языка и украинского алфавита тогда еще не существовало, а энтузиасты крестьянского наречия Малороссии пользовались преимущественно русской азбукой, экспериментируя с фонетическими системами правописания. Австрийских украинофилов многие их российские коллеги на дух не переносили, а попытки экспорта полонизированного украинского языка из Галиции встречали в штыки. Официальный язык сегодняшней Украины многие специалисты предлагают называть новоукраинским. Тараса Шевченко на него уже следует переводить, ибо за полтора столетия очень сильно мутировала не только украинская грамматика, но и лексическая основа языка. Нам, русским, трудно осознать столь стремительное видоизменение украинского языка, ведь для нас не только язык Пушкина, но даже речь Ломоносова отнюдь не кажется архаичной, а человек, знакомый с церковно-славянским, без труда читает древние летописи.

Первыми же российскими украинизаторами были именно поляки. Александр Каревин в своей замечательной книге «Русь нерусская (как рождалась рідна мова)» так описывает начало украинского движения: *«XIX век прошел на Украине под знаком борьбы двух культур – русской и польской. Заветной мечтой польских патриотов было восстановление независимой Речи Посполитой. Новая Польша виделась им не иначе, как «от моря до моря», с включением в ее состав Правобережной (а если удастся – то и Левобережной) Украины и Белоруссии. Но сделать это без содействия местного населения было невозможно. И руководители польского движения обратили внимание на малороссов.*

Поначалу их просто хотели ополячить. Для этого в панских усадьбах стали открываться специальные училища для крепостных, где крестьянских детей воспитывали на польском языке и в польском духе. В польской литературе возникла так называемая «украинская школа», представители которой воспевали Украину, выдавая при этом ее жителей за особую ветвь польской нации. Появился даже специальный термин – «третья уния». По мысли идеологов польского движения, вслед за первой, государственной Люблинской унией 1569 г. (соединившей Польшу и Литву с включением при этом малорусских земель великого княжества Литовского непосредственно в состав Польши) и второй, церковной Брестской унией 1596 г. (оторвавшей часть населения Малороссии и Белоруссии от Православной Церкви и поставившей эту часть под контроль католичества), «третья уния» должна была привязать к Польше (естественно, с одновременным отмежеванием от Великороссии) Украину (Малороссию) в сфере культуры. В соответствующем направлении прилагали усилия и чиновники-поляки (их в то время немало служило на Украине, особенно по ведомству министерства просвещения).

Как это ни странно, но такой почти неприкрытой подрывной деятельности власти препятствий не чинили. Что такое «психологическая война», тогда просто не знали. А

поскольку открыто к восстанию до поры до времени поляки не призывали, царя вроде бы не ругали, то и опасности в их деятельности никто не усматривал»¹⁰.

Но проект «третьей унии» изначально был мертворожденным, поскольку для польских панов их русские холопы были быдлом, и признавать их ровней себе они не собирались. Да и крестьяне иноверных и иноязычных господ считать своими никак не могли. Поэтому в дальнейшем в ход пошла концепция украинства Потоцкого – Чацкого. Польская интеллигенция, занимающая в Юго-Западном крае доминирующее положение стала пропагандировать идею о том, что украинцы – это народ, поработенный русскими. Для сопротивления русской колонизации они призывали отказаться от русской культуры и разработать свой собственный литературный язык.

Но и в этом деле результаты были малоубедительными. Каревин пишет: *«Образованные малороссы всей душой любили народные обычаи, песни, говоры, но при этом, несмотря на усилия украинофилов, оставались русскими. Новыми идеями соблазнились единицы. «У нас в Киеве только теперь не более пяти упрямых хохломанов из природных малороссов, а то (прочие) все поляки, более всех хлопотавшие о распространении малорусских книжонки, – сообщал видный малорусский общественный деятель К. Говорский галицкому ученому и общественному деятелю Я. Головацкому. – Они сами, переодевшись в свитки, шлялись по деревням и раскидывали эти книжонки; верно пронырливый лях почувал в этом деле для себя позживу, когда решился на такие подвиги». То, что потом было названо «украинским национально-освободительным движением», на начальном этапе своего развития состояло преимущественно из поляков (В. Антонович, Т. Рьльский, Б. Познанский, К. Михальчук и др.), поддержанных очень немногими малороссами».*

Главным теоретиком доктрины украинского национализма тоже стал поляк Францишек Духинский, воспитанный в нужном русле в униатском училище базилианского ордена в городе Умани Киевской губернии. Учителя (разумеется, поляки) внушили молодому Францишеку, что Россия – за Днестром, а здесь – Украина, населенная особой ветвью польского народа – украинской. Во время Крымской войны он служит на гражданских должностях в английской армии в Турции, все последующие годы жизни, кочуя по Европе, пропагандирует радикальные антирусские доктрины. Исповедуя расовый подход в истории, Духинский категорически отказывает русским (они представители туранцев – неполноценных народов, противостоящих арийским) в праве считаться славянами, утверждая что *«москали не являются ни славянами, ни христианами в духе настоящих славян и других индоевропейских христиан. Они остаются кочевниками до сих пор и останутся кочевниками навсегда».* Он же, кажется, первым в трехтомнике «Основы истории Польши и других славянских стран и Москвы» (1858–1861 гг.) высказал суждение о том, что имя «Русь» украдено москалями у украинцев, которые единственные имеют право на него. Хотя технических подробностей этого «похищения» он так и не раскрыл, все последующие «свидомые» историки неизменно базируют свои концепции на этом тезисе. Ну да, считать себя арийцами весьма приятно.

Последователь Духинского террорист Николай Михновский развил идеи украинского национализма до самых радикальных фашистских форм, провозгласив лозунг: *«Украина – для украинцев. Итак, выгони прочь с Украины иностранцев-угнетателей!»* Сформулирован сей призыв был в «Десяти заповедях Украинской народной партии» в 1904 г., когда никакой Украины не существовало, но учитывая, что Михновскому она виделась от Карпат до Кавказа, масштаб предполагаемых этнических зачисток впечатляет. Однако в отличие от своего крестного отца, предлагающего украинцам роль младшего брата поляков, Михновский уже отводит ляхам место второго по значению врага украинцев после москалей. В дальнейшем украинский национализм приобрел настолько ярко выраженный антипольский характер, что «свидомые» в

---

¹⁰ <http://www.russian.kiev.ua/books/karevin/rusnorus/rusnorus.shtml>

период Второй мировой войны попытались перейти к практическому решению польской проблемы путем физического устранения поляков (наиболее масштабной акцией была Волынская резня 1943 г.).

Украинский национальный гимн «Що не вмерла Украина» является своего рода калькой с польского гимна «Еще Польша не сгинела» и написан накануне шляхетского восстания 1863 г. группой поляков во главе с Павлом Чубинецким. В пропагандистских целях автором украинского гимна объявили Тараса Шевченко. Поляки в одном из вариантов гимна объявляются братьями украинцев:

Ой, Богдане-Зиновию, пьяный наш гетьмане,
За что продал Украину москалям поганым?
Чтоб вернуть ей честь и славу, ляжем головами,
Наречемся Украины верными сынами.
Наши братчики-славяне за оружие взялись,
Не годится, чтобы мы в стороне остались!

Да, совсем не из теплых чувств к «арийским» братьям поляки пестовали украинство. Они очень рассчитывали, что те поддержат их в антирусском восстании. Проще говоря, ляхи очень нуждались в пушечном мясе. Сам Духинский провозглашал: «*Русь – это сильнейшая и доблестнейшая Польша, и польское восстание не будет успешным, если не начнется на Руси*». Русью он, разумеется, именовал Украину, у которой москали украли ее природное имя.

Вождь польских повстанцев генерал Людвик Мерославский¹¹ выражался очень конкретно:

«Неизлечимым демагогам нужно открыть клетку для полета за Днепр. Пусть там распространяют казацкую гайдаматчину против попов, чиновников и бояр, уверяя мужиков, что они стараются удержать их в крепостной зависимости. Должно иметь в полной готовности запас смут и излить его на пожар, зажженный уже во внутренних частях Москвы. Вся агитация малороссианизма пусть перенесется за Днепр... Вот весь польский герценизм! Пусть он издали помогает польскому освобождению, терзая сокровенные внутренности царизма... Пусть себе заменяют вдоль и поперек анархией русский царизм, от которого, наконец, освободится и очистится соседняя нам московская народность. Пусть обольщают себя девизом, что этот радикализм послужит «для нашей и вашей свободы». Перенесение его в пределы Польши будет считаться изменой отчизне и будет наказываться смертью, как государственная измена...»

Но ни в Литве, ни на Волыни крестьянство на помощь ляхам не пришло, а малочисленные украинствующие интеллигенты готовы были оказывать восставшим только моральную поддержку (не совсем же они были идиотами), а то и вообще проявили к шляхетским бедам самое полное равнодушие. Более того, в российских губерниях крестьяне зачастую расправлялись с восставшей шляхтой собственными силами, да и в самой Польше после того, как крестьянам была обещана земля бунтовщиков, селяне стали с энтузиазмом выдавать властям мятежников. После провала шляхетского мятежа украинофильство в России переживает кризис, поскольку полякам становится не до него. Не многие государственные мужи понимали опасность польской пропаганды, но главный начальник Северо-Западного края Михаил Николаевич Муравьев ее вполне осознавал, и действовал со всей решительностью. Следуя простому принципу «*клин клином вышибают*», он высказался совершенно прямолинейно: «*Что не доделал русский штык – доделает русская школа*». Всего за два года он смог основательно подорвать польскую культурную гегемонию на вверенной ему территории.

---

¹¹ Командующим он был чисто номинальным, потому как после двух стычек с казаками, рассеявшими его штаб и захватившими обоз, Мерославский бежал за границу, бросив восстание на произвол судьбы.

Известный русский философ и писатель Иван Солоневич так оценивал усилия Муравьева по деполонизации: *«Край, – сравнительно недавно присоединенный к империи и населенный русским мужиком. Кроме мужика русского там не было ничего. Наше белорусское дворянство очень легко продало и веру своих отцов, и язык своего народа и интересы России... Народ остался без правящего слоя. Без интеллигенции, без буржуазии, без аристократии – даже без пролетариата и ремесленников. Выход в культурные верхи был начисто заперт польским дворянством. Граф Муравьев не только вешал. Он раскрыл белорусскому мужику дорогу хотя бы в низшие слои интеллигенции».*

Кстати, прозвище «Вешатель» Муравьев получил за тридцать лет до польского восстания благодаря историческому анекдоту. После назначения его на должность губернатора Гродненской губернии в 1831 г. его спросили, не родственник ли он повешенному декабристу Муравьеву-Апостолу. На это Михаил Николаевич ответил, что происходит не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые сами вешают. Что касается повешенных повстанцев, то таких на весь обширный край насчитали лишь 128 человек. Но ненависть поляков к Муравьеву безгранична до сих пор, хотя к Польше он никакого отношения не имел, будучи наместником русских по населению губерний. Видимо ненависть эта первоначально имела сугубо меркантильную базу, ибо Муравьев предпринял энергичные меры для секвестрования дворянских имений и улучшения положения крестьян, находящихся здесь в более угнетенном состоянии, нежели в центральных российских губерниях.

Киевский генерал-губернатор Дмитрий Гаврилович Бибииков, занимавший этот пост в 1837–1852 гг., также вполне осознавал угрозу, проистекающую от засилья в крае польского дворянства. Им были разработаны инвентарные правила, определявшие отношения крестьян с помещиками. К сожалению с украинофильством никакой борьбы не велось, хотя следующий генерал-губернатор Николай Николаевич Анненков и приложил усилия для принятия так называемого валуевского циркуляра. Циркуляр этот, названный по имени министра внутренних дел империи Петра Александровича Валуева, был тайным и прямого действия не имел, а адресовался Цензурному комитету с требованием запретить печатать учебную, политическую и религиозную литературу на украинском языке.

Валуев в своей записке отмечал, что *«общерусский язык так же понятен для малороссов, как и для великороссиян, и даже гораздо понятнее, чем теперь сочиняемый для них некоторыми малороссами, и в особенности поляками, так называемый украинский язык. Лиц того кружка, который усиливается доказать противное, большинство самих малороссов упрекает в сепаратистских замыслах, враждебных к России и гибельных для Малороссии. Явление это тем более прискорбно и заслуживает внимания, что оно совпадает с политическими замыслами поляков, и едва ли не им обязано своим происхождением, судя по рукописям, поступившим в цензуру, и по тому, что большая часть малороссийских сочинений действительно поступает от поляков».* Однако запретительная мера эта была половинчатой и малодейственной, поскольку была направлена лишь на использование украинского языка в политических целях, но печать «изящной литературы» и разработки литературного украинского языка прекращены не были.

У всякой идеи должны быть свои мученики. У украинской они тоже есть. Венец великомученика отводится украинской мифологией Тарасу Шевченко, распятому проклятыми москалями (фигурально, конечно), а просто мучениками можно считать его коллег по Кирилло-Мефодиевскому братству. «Свидомые» свято уверены, что репрессии проклятого царского режима обрушились на голову святого «кобзаря» лишь за то, что тот был украинцем. Но это суждение в корне неверно. Кирилло-Мефодиевское братство, созданное по инициативе Николая Костомарова, было тайной политической организацией самого радикального толка. Основные пункты программы были следующие:

- освобождение славянских народностей из-под власти иноплеменников (в том числе отделение Украины от России);
- организация их в республики с удержанием федеративной связи между ними (при этом независимая Украина мыслилась чуть ли не как центр федерации);
- уничтожение крепостного права;
- упразднение сословных привилегий и преимуществ;
- религиозная свобода и веротерпимость;
- при полной свободе всякого вероучения употребление единого славянского языка в публичном богослужении всех существующих церквей;
- полная свобода мысли, научного воспитания и печатного слова и преподавание всех славянских наречий и их литературы в учебных заведениях всех славянских народностей.

Чтобы почувствовать, насколько эти идеи были проникнуты антигосударственным пафосом, давайте поищем аналогию в реалиях сегодняшнего дня. Когда радикальные националисты и религиозные фанатики провозглашают идею освобождения Чечни от российского гнета и создание Кавказского халифата из освобожденных из под христианского ига народов, то перепуганная общественность единодушно поддерживает лозунг «Мочить в сортире!» и всячески одобряет ковровые бомбардировки и зачистки в самашкинском стиле. Так неужели царские власти должны были безучастно глядеть на бурную деятельность национал-сепаратистов республиканского толка?

Ситуация осложнялась еще и внешнеполитическим аспектом усилий украинствующих республиканцев посягнувших, пусть даже только на словах, на территориальную целостность не только России, но и Австрийской империи. Император Николай являлся, как известно, рыцарем охранным Священного Союза трех держав, направленного на незыблемость европейских границ, и ему совсем не улыбалось, что кучка фармазонов дискредитирует его на международной арене. Может быть, несколькими годами раньше или позже власти смотрели бы на интеллигентов-карбонариев сквозь пальцы, но 1847 г. когда тайное общество было ликвидировано, выдался крайне напряженным. В 1846 г. в австрийской Галиции поляки учинили мятеж, который был подавлен при деятельном участии русского населения, а вскоре разразилась венгерская революция, чуть было не поставившая жирный крест на империи Габсбургов. Если бы не русские штыки, то так бы, вероятно, и случилось. Мне, конечно, очень трудно симпатизировать Австрии, да только уж очень неудачное время выбрали Шевченко с Костомаровым, чтобы разводить революционную деятельность.

Репрессии против кирилло-мефодиевцев носили чисто символический характер. Костомаров, один из создателей общества, всего год отсидел в Петропавловской крепости и некоторое время пребывал в ссылке, но не в Сибири, всего лишь в Саратове, а в дальнейшем спокойно занимался своим любимым украинофильством без всякого стеснения. Покаявшемуся Кулишу четырехмесячный тюремный срок и ссылку в Вологду заменили двумя месяцами пребывания в арестантском отделении военного госпиталя, а местом ссылки назначили Тулу. Гулак провел в тюрьме под следствием три года, но вероятно лишь потому, что отказался давать какие-либо показания, после чего отправился на пять лет в пермскую ссылку. Тарас Шевченко пострадал больше всех – 10 лет прослужил солдатом в Оренбургском полку. Но причиной столь «суровой» кары было вовсе не участие в тайном обществе, и уж тем паче, не украинофильство, а найденные у него при обыске стихи о императрице оскорбительного характера, что по тем временам было тяжким преступлением.

В то же самое время, в 1849 г. в отношении другого тайного общества – кружка петрашевцев в Петербурге были применены меры куда более жесткие – 122 человека находилось под следствием, из них 21 приговорены к смертной казни. Приговоренные уже стояли перед строем солдат на Семеновской площади, когда расстрел был им заменен ссылкой. Почему-то

никому не приходит в голову объявить все эти репрессии национальным угнетением русского народа со стороны немецкой по крови царской династии.

Вся дальнейшая история российского украинофильства практически не выходит за рамки интеллигентской среды. Хождение в народ переодетых в шаровары и вышиванки студентов, приобщающихся таким образом к крестьянскому диалекту и сельскому фольклору, выглядело, скорее, как забава мажорствующей молодежи, но на пробуждение в массах «украинского самосознания» никакого влияния оказать не могло. Однако после издыхания польского импульса, все большее влияние на отечественных украинофилов начинает оказывать галицкое политизированное украинство, более того, по мере приближения Первой мировой войны австрийский и германский генеральные штабы все большее внимание начинают уделять украинству по чисто практическим соображениям. Украинофилов они видят своим агентами влияния, а украинской доктрине пытаются сделать прививку сепаратизма.

В 1906 г. начинается масштабная акция так называемого языкового крестового похода в Малороссию, организованная Веней. В крупнейших городах Юго-Западного края как грибы после дождя (золотого!) открываются многочисленные украиноязычные издания, откуда не возьмись, появляются сотни пропагандистов возвращения к истокам «ридной мовы». Движение крестоносцев бурно приветствуют социалисты и либералы, руководствуясь той логикой, что все, что направлено против царизма, к лучшему. Но крестовый поход заканчивается полным провалом, потому как австрийский вариант украинского языка, грубо насаждаемый в полонизированной Галиции, оказался совершенно непонятен малороссам.

Как констатирует в своей брошюре «Первые украинские массовые политические газеты Поднепровья» (Нью-Йорк, 1952 г.) Юрий Тищенко-Сирый, один из тогдашних крестоносцев, *«помимо того маленького круга украинцев, которые умели читать и писать по-украински, для многомиллионного населения Российской Украины появление украинской прессы с новым правописанием, с массой уже забытых или новых литературных слов и понятий и т. д. было чем-то не только новым, а и тяжелым, требующим тренировки и изучения».*

По свидетельству Сирого у самого массового издания крестоносцев «Ридный край» было всего две сотни подписчиков. Надо полагать, все они были самими укро-австрийскими крестоносцами, потому что российские украинофилы с раздражением отмечали, что читать прессу крестоносцев без словаря (украинско-украинского?) не в состоянии. Их угнетало обилие в галицком новоязе большого количества выдуманных – «выкованных» слов, искусственно созданных для замены слов русских. Против потуг крестоносцев гневно выступил даже классик укро-литературы Нечуй-Левицкий, ратовавший за создание литературного украинского языка на основе малороссийских диалектов, а не ополяченного за века галицкого говора. Стоит ли говорить, что массы простого люда от укро-австрийского воляпюка в ужасе отшатнулись. Многие малороссы, увидев до какого маразма может довести попытку сделать язык на основе просторечного крестьянского диалекта, вообще пришли к выводу о ненужности подобных экспериментов, сделавшись сторонниками единого литературного общерусского языка.

Поэтому ничего удивительного, что не удалась в 1918 г. Украинская народная республика под протекторатом Берлина даже не смотря на то, что «национальное украинское правительство» – Верховную Раду возглавлял австрийский агент и германофил Михаил Грушевский, воспевающий в своих статьях германо-украинское расовое родство и общность политических целей. Слишком громадная пропасть разделяла народ и прогерманскую украинствующую верхушку. Замена в апреле 1918 г. оккупационными властями прозападного правительства Грушевского, напичканного австро-германскими агентами на лубочно-украинофильский режим гетмана Скоропадского, также не принесла особых успехов. Как только германские войска после ноябрьской революции 1918 г. оставили Киев, Скоропадский (вот же говорящая фамилия!) был свергнут сторонниками Директории. Власть Петлюры была непрочной, его войска были многократно биты и белыми, и красными, и махновцами. Власть Директории сделалась

вскоре чисто номинальной и не распространялась дальше вагона, в котором моталось «украинское правительство», вынужденное постоянно от кого-либо бежать. В народном фольклоре от тех времен осталась издевательская поговорка «*У вагоні Директорія, під вагоном територія*».

Ни один из укро-националистических режимов в период революции и гражданской войны не продемонстрировал ни малейших признаков жизнеспособности. Верховная Рада и Гетманат являлись германскими марионетками, Петлюра в конце своей политической карьеры полностью лег под поляков, щедро раздавая им территорию «ридной Украины» взамен поддержки своей чисто номинальной власти. Командующий немецким восточным фронтом Гофман в своих мемуарах писал: «Украина – это дело моих рук, а вовсе не плод сознательной деятельности русского народа». Кстати, и сама украинская государственная идея была наполнена конкретикой в Германии. Создатель Германской империи фон Бисмарк в 1877 г. провозгласил: «Нам нужно создать сильную Украину за счет передачи ей максимального количества русских земель». Все верно, создать Украину за счет украинских земель было невозможно по причине отсутствия таковых, а покушаться на земли дружественной Австро-Венгрии канцлер счел неправильным.

Даже в Галиции, где «титутельная нация» формально составляла 60 % населения (следует при этом помнить, что единства между украинцами и русинами не существовало, а потому процент украинцев был, вероятно, ниже), а поляки всего 25 %, Западноукраинская народная республика не продержалась по сути и нескольких дней, хотя формально время ее существования исчисляется почти в шесть месяцев. 3 ноября 1918 г. во Львове Украинский национальный совет провозгласил создание национального государства, но уже 6 ноября восставшие поляки контролировали более половины города. 21 ноября подошедшие регулярные части польской армии полностью очистили Львов и правительство ЗУНР бежало в Станиславов (ныне Ивано-Франковск). Тем временем Румыния оккупировала Буковину, а чехословацкие части заняли территорию Закарпатья. Вскоре армия галичан полностью утратила контроль над территорией ЗУНР. В июле 1919 г. наступление галичан на Львов окончилось провалом.

Но благодаря тому, что австрийцы в свое время создали из галицких украинцев части сичевых стрелцов (имея в виду их использование для колонизации Малороссии), созданная на их основе Украинская галицкая армия оставалась в течение всего периода гражданской войны значимым военным фактором. Объединение, чисто формальное, конечно, УНР и ЗУНР 22 января 1919 г. предоставило в руки российских украинизаторов весомый ресурс в 50 тысяч национально «свидомых» галицких штыков. Еще одной силой, на которую опирались украинизаторы, были пленные австрийские украинцы, игравшие в 1917–1920 гг. роль авангарда украинизаторских сил. Впрочем, усилия галичан в области госстроительства запомнились современникам разве что попытками украинизировать киевские вывески.

Сегодня Польша вновь имеет некоторое влияние в украинском вопросе, в основном в качестве агента Вашингтона. Любопытно иногда почитать их прессу: *«В интересах Польши, которая всегда будет испытывать угрозу со стороны российского империализма, необходимо существование Украины в качестве буфера между Польшей и Россией. Однако линия границы при этом должна отличаться от той, которая существует на сегодняшний день. Польша обязана всячески поддерживать идею раздела Украины и делать все, чтобы он наступил как можно скорее, поскольку всегда существует опасность того, что нынешнюю, русско-украинскую Украину вновь подчинит себе Москва. В то же время я более чем уверен, что проделать то же самое с собственно «украинской» Украиной Москва не сможет. Именно такая Украина имеет наибольший шанс на вступление в Европейский Союз. По своей территории «украинская» Украина была бы почти равной Польше, однако ее население составляло бы всего около 1/3 от польского населения. Помимо всего прочего эта Украина была бы почти полностью избавлена от бремени тяжелой промышленности, а также не имела бы выхода к морю. Такая Украина не представляла бы особой угрозы для Польши, с такой Украиной можно было*

бы довольно быстро достичь некоего «модуса вивенди», даже в том случае, если бы в Киеве правили сплошь одни бандеровцы, поскольку такая Украина всегда была бы заинтересована в наличии доброй воли со стороны Польши»¹².

Однако раздел Украины маловероятен. Скорее всего, «самостийная Украина» будет хиреть синхронно с РФ или даже чуть быстрее, а в случае возрождения России, вновь станет ее составной частью. Тупиковость «самостийного» пути развития Украины слишком очевидна, чтобы продолжать лелеять мечты о создании единой политической украинской нации, экономической самодостаточности и реальном государственном суверенитете.

В январе 1992 г. республика Украина была ядерной державой (!) с развитой авиакосмической и военной промышленностью, самым продуктивным из всех 15 бывших советских республик сельским хозяйством, мощной угольно-металлургической базой, сильнейшей научной школой и центрами высокотехнологичными предприятиями (достаточно вспомнить, что первый компьютер в Европе был создан в 1948 г. в Киеве). Украина имела доступ к дешевому российскому газу и нефти, не знала вооруженных конфликтов на своей территории. Украинцы не унаследовали ни цента из многомиллиардных внешних долгов ССР. То есть стартовые условия для экономического рывка и занятия страной подобающего места в европейской и мировой табели о рангах были у украинцев куда более благоприятными, нежели у других союзных республик, включая РСФСР.

Прошло 19 лет, за которые Украина влезла по уши в долги и учинила жуткий саморазгром своей экономики. За меньшее время немцы подняли из руин Германию и сделали ее европейским лидером после проигранной Второй мировой войны. Японцы в тех же условиях сотворили послевоенное экономическое чудо. А Украина, будучи в невероятно более выгодных условиях, показала абсолютнейшую бездарность своей (своей ли?) государственной элиты. Сегодня в украинской прессе уже открыто высказывается идея ограниченного суверенитета, по которой США возьмут страну под свой официальный протекторат, предоставив ей взамен некие экономические преференции. Это означает, прежде всего, что Америка продолжает свою политику по превращению «самостийной» Украины в антироссийский плацдарм.

---

¹² Марианн Калуски, «Tygodnik Powszechny», 16 марта 2005 г.

Даешь украинизацию!

Сколько бы усилий не прилагали австрийцы для дерусификации Галиции, их успехи были весьма относительны. В общем-то, разбив единый народ на два враждующих лагеря (*divide et impera* – разделяй и властвуй!), они уже достигли желаемого. Вопрос о том, желательно ли было украинизировать все русское население, оставался открытым, поскольку это в перспективе грозило сменой русского сепаратизма сепаратизмом украинским. А пока москвофилы и украинцы боролись друг с другом, сохраняя при этом враждебность к полякам, Вена могла спать спокойно. Собственно официальное признание австрийскими властями украинцев отдельным народом состоялось только в 1915 г., когда галицкие этномутанты доказали свою верность престолу резней русских в начале общеевропейской войны.

Казалось бы, разгром Австро-Венгрии и переход Галиции в руки новосозданной Польши должен был поставить крест на этнических экспериментах по выведению украинцев. Но у дела австрийских императоров быстро нашлись продолжатели в лице... большевиков. Конечно, на словах Ленин со товарищи были интернационалистами один интернационалистичнее другого. А уж всякого рода национализм они клеймили самыми последними словами. Но одно дело – лозунги, и совсем другое – реальность. Представление о большевиках, как о неких идеалистах-чистоплюях или фанатиках марксистской идеи в корне неверно. Перед ними стояла, прежде всего, чисто практическая задача – захватить и укрепить свою власть, и ради нее они готовы были потакать самым матерым националистам, если видели в этом хоть какую-то выгоду, причем интересы народа никакой роли не играли.

Европейские социал-демократы были в шоке от реалий русской социалистической революции в плане решения национального вопроса. Вот что писала Роза Люксембург, обвиняя Ленина в создании искусственного украинского «народа» и сознательном расчленении России: *«Украинский национализм в России был совсем иным, чем, скажем, чешский, польский или финский, не более чем простой причудой, кривлянием нескольких десятков мелкобуржуазных интеллигентиков, без каких либо корней в экономике, политике или духовной сфере страны, без всякой исторической традиции, ибо Украина никогда не была ни нацией, ни государством, без всякой национальной культуры, если не считать реакционно-романтических стихотворений Шевченко. <...> И такую смехотворную шутку нескольких университетских профессоров и студентов Ленин и его товарищи раздули искусственно в политический фактор своей доктринерской агитацией за «право на самоопределение вплоть» и т. д. Первоначальной шутке они придали значимость, пока эта шутка не превратилась в самую серьезную реальность, впрочем, не в серьезное национальное движение, которое, как и прежде, не имеет корней, но в вывеску и знамя для собирания сил контрреволюции!»*¹³

Почему большевики действовали столь безумно, разбивая единый русский народ на разные национальности? Найти рациональное объяснение этому очень трудно. В качестве объективной причины можно назвать страх перед Польшей. Поскольку поляки отхватили себе в 1920 г. Западную Украину, советские правители могли опасаться, что культивируя на захваченной территории украинство, ляхи, следуя своей имперской доктрине о Речи Посполитой от моря до моря, будут претендовать и на советские земли. Однако поляки и не думали развивать на своих «всходних крэсах» – восточных окраинах – какую-то украинскую народность, а, забыв о своих обещаниях украинской автономии, занялись более привычным им делом – ополячиванием нацменьшинств. В ССР же в этот момент украинизация проводилась ударными темпами.

Поэтому популярность имеет и очень субъективное объяснение этого процесса: дескать, большевистское руководство, в котором преобладали евреи, очень боялось громадного рус-

---

¹³ Роза Люксембург. «Рукопись о русской революции» // <http://lib.rus.ec/b/143306/read>

ского народа и следовало старому принципу – разделяй и властвуй. Когда же верховная власть в 30-е годы перешла в руки более трезвомыслящих политиков, темпы украинизации были снижены, а наиболее активные украинизаторы отправлены валить лес в лагерь, значительно продвинув тем самым на север черту оседлости. Какой бы неполиткорректной данная гипотеза не казалась сегодня, но правда состоит в том, что самая агрессивная фаза советской украинизации происходила под руководством главы Советской Украины Лазаря Кагановича и наиболее последовательными украинизаторами были его соплеменники.

Можно предположить, что новые хозяева страны испытывали страх перед окраинным национализмом, впервые громко заявившем о себе во время гражданской войны. Поэтому в 20-е годы они решили перехватить у сепаратистов инициативу, создав декоративные автономии и псевдогосударственности для народов, многие из которых ее вообще никогда не имели (карелы, казахи, азербайджанцы, таджики). Вместе с этими квази-государствами большевики в союзе с местными националистами принялись ударными темпами создавать и сами «титულные нации», самой крупной из которых оказались украинцы.

Вероятен и другой вариант. В 20-е годы большевики еще не отказались от доктрины мировой революции, и потому попытались создать в лабораторных условиях муляж всемирной республики Советов. Так или иначе, но создание полноценной украинской нации началось в 20-е годы, и процесс проводился со всей революционной решительностью. Нарком РСФСР по делам национальностей Иосиф Сталин на X съезде РКП(б) в заключительном слове по докладу о национальном вопросе высказался предельно откровенно: *«Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»*.

Интересно получается. Выборочная германизация, проводимая нацистами в западных районах Польши во время Второй мировой войны, признана преступлением против человечности. А национальная политика большевиков по насильственному и тотальному изменению этнической принадлежности десятков миллионов людей – это тогда что? Украинизация была именно насильственной, ибо в украинцы записывали, не спрашивая согласия. И в школах украинский язык заставляли учить в обязательном порядке, при этом русские школы ликвидировались.

Правда, Сталин лукаво уточнял, будто города будут украинизироваться путем наплыва крестьян и даже приводил очень неудачный пример с Ригой, которая, дескать, из немецкого города превратилась в чисто латышский (на самом деле латышами в городе было тогда менее половины населения). И уж совсем ни в какие ворота не лезет утверждение докладчика, что полвека назад все(!) города Венгрии были немецкими, а теперь, мол, мадьяризировались. Сталинские слова стоит воспринимать лишь как дымовую завесу. Еще ни один город не смог «сменить национальность» путем его ассимиляции крестьянами. Наоборот, крестьянин, попадая в город, становился носителем иной культуры и даже иного языка. То есть, если большевики считали украинизацию городов неизбежной, то методы предполагали использовать совершенно иные, нежели естественную миграцию крестьян.

В 1923 г. на XII съезде РКП(б) официально была объявлена компания так называемой коренизации. Суть ее заключалась в увеличении на национальных окраинах в местных советских органах власти представителей «титулных народов». Вам это ничего не напоминает? В конце 80-х годов в союзных республиках происходили схожие процессы. В рамках борьбы с засильем русских последних выдавливали с руководящих постов, заменяя местными национально «полющенными» кадрами. Результат известен. Правда, в 20-е годы этот процесс проходил все-таки мягче и не имел столь печальных последствий. Да и как, например, можно заменить русского инженера или администратора на таджикского, если грамотного таджика еще надо было поискать. Реальной пользы от коренизации не было и в 30-е годы кампанию,

начатую с большой помпой, без лишнего шума свернули, а кое-где даже заклеили как национал-уклонизм.

Одновременно с коренизацией руководящих кадров в созданной недавно Украинской Союзной Республике стартовал процесс украинизации, о котором было заявлено на VII конференции КП(б)У. Фактически он означал самую масштабную в истории человечества кампанию по изменению этнической принадлежности населения. Начали большевистские украинизаторы, разумеется, с самой партии. И то верно, что это за компартия Украины, если в ней украинцами в 1922 г. числилось всего 23 % членов? Да и те украинцами были зачастую лишь номинально. Если звать Микола Петренко – значит украинец. А то что этот украинец украинского языка не знает, так это дело поправимое.

Ради украинизации компартии в нее стали активно принимать даже бывших политических противников – социалистов, сторонников Центральной Рады и петлюровцев. Ярыми советскими украинизаторами стали многие австро-украинцы (или укро-австрийцы), ринувшиеся из Польши в ССР лишь потому, что здесь, по их мнению, началось строительство настоящего украинского государства. Этим галичан, бывших иногда украинцами уже во втором поколении, переселилось в ССР несколько десятков тысяч (Грушевский в одном из писем называл цифру в 50 тысяч), причем размещали их преимущественно в центральных и восточных областях УССР, где украинизация шла наиболее туго. Многие из этих «свидомых» переселенцев тут же оказались на руководящей работе, многие возглавили комиссии по украинизации. Без тысяч «свидомых» галичан проведение советской украинизации было бы просто немыслимым.

В 1924 г. из эмиграции было позволено вернуться даже бывшему главе Центральной Рады, по просьбе которой немцы в 1918 г. оккупировали Украину, Михаилу Грушевскому. На родине этот германо-австрийский агент был обласкан, и даже выслужил себе звание академика. Только в конце 30-х годов его антирусские псевдоисторические труды, написанные по заказу венского двора, были изъяты из обращения. Не сомневаюсь, что и самого Грушевского объявили бы врагом народа, да красный академик к тому времени уже помер своей смертью.

Почти анекдотом выглядит возвращение из эмиграции бывшего главы Директории Владимира Винниченко, чему способствовал лично Ленин. Винниченко не только сделали заместителем главы украинского правительства, но и кооптировали в члены ЦК КП(б)У. Но он обиделся, что его не ввели в состав Политбюро ЦК и уехал из украинской столицы Харькова в Москву, а вскоре повторно эмигрировал.

Украинизацию госструктур и предприятий предписывалось завершить к 1 января 1926 г. Как? Да очень просто – под угрозой увольнения с работы всех заставляли учить украинский язык. Аргумент с увольнением был очень весомый – на дворе НЭП, безработица. Что тогда понималось под украинским языком, сказать сейчас сложно – то ли местные крестьянские наречия, то ли какую-нибудь из разновидностей украинофильской литературной нормы, но поскольку лексика и грамматика еще не были кодифицированы, доля «творчества» в украинизации, безусловно, присутствовала.

И хотя тогдашняя укро-мова была гораздо ближе к русскому языку, нежели сегодняшний новоукраинский воляпук, кампания провалилась из-за саботажа снизу. Не помогли ни создание комиссий по украинизации (были даже карательные «тройки по украинизации»), ни репрессии против «рецидивистов укромовы», то есть служащих, не сдавших экзамены по языку. В 1930 г. президиум Сталинского окрисполкома принял решение «привлекать к уголовной ответственности руководителей организаций, формально относящихся к украинизации, не нашедших способов украинизировать подчиненных, нарушающих действующее законодательство в деле украинизации». Не помогло и это.

Местные русские газеты повсеместно закрыли и стали печатать периодику только на мове даже в тех областях, где украинцев отродясь не водилось. Сегодня укро-сепаратисты вопят о гонениях на украиноязычную прессу при царском режиме. Как же тогда назвать усилия украи-

низаторов по тотальному искоренению русской прессы? Людей, добровольно читающих украинскую прессу, всегда было ничтожно мало даже в период кратковременного господства украинских сепаратистов при германском протекторате в 1918 г. Вот какая любопытная статистика приводится в «Сборнике статей по малорусскому вопросу», изданному в Одессе в 1919 г.:

«До занятия Киева Петлюрой и Винниченко, в Киеве издавалось шесть украинских газет. Все они без исключения существовали на казенный счет (правительство «гетмана» Скоропадского очень ухаживало за украинцами и усердно прокламировало свою «самостийность», как того требовали немцы). Единственная из украинских газет, имевшая право претендовать на роль общественно-политического органа, «Нова рада», незадолго до восстания Петлюры публично заявила, что вследствие истощения средств она принуждена прекратить свое существование. Но гетманское правительство дало ей субсидию, и газета продолжала издаваться. Все шесть украинских изданий, выходивших в Киеве, по данным Киевского комитета по делам печати, печатались в общей сложности в количестве 45 000 экземпляров. При этом надо иметь в виду, что некоторые из украинских газет в большом числе рассылались бесплатно. Так, например, газета «Видроження», орган военного министерства, печатавшийся в количестве 15 000 экземпляров, рассылался во все войсковые части и учреждения, газета «Селянське слово» (9000 экземпляров) рассылалась по селам, и т. д. В то же самое время газет, печатавшихся на русском языке, в Киеве издавалось четырнадцать, и общий тираж их, по данным Киевского комитета по делам печати, составлял 287 400 экземпляров. При этом надо заметить, что, в то время как украинские газеты, издававшиеся в Киеве, обслуживали губернии всей Южной России, русские газеты Киева обслуживали лишь район, тяготеющий к Киеву (районы, тяготеющие к Одессе, Харькову и другим центрам, имели свою хорошо развитую русскую печать)»¹⁴.

Но перевести на украинскую официальную переписку так и не удалось. Да это было в принципе и невозможно. Одно дело про светлое будущее бздеть на партсобраниях, и совсем другое – составить на украинском техническую документацию по производству дизельного двигателя. Ведь ее же никто не поймет на заводе! А если учесть, что промышленность УССР находилась в тесных кооперативных связях с предприятиями по всему ССР, то на украинизацию производственников попросту забили.

На сайте «Единая Русь» приведены любопытные выдержки из документов Государственного архива Луганской области:

«Подтвердить, что на службу можно принимать только лиц, владеющих украинским языком, а не владеющих можно принимать только по согласованию с Окружной комиссией по украинизации» (Р-401 оп.1, д.82);

«Трудно украинизувати працюючих без вживання цiei мови в життi. Перзводити жзэ в жыття укр. мову нэможливо позаяк балакать на нэйи майже ни з кым» (Р-401, оп.1, д.72)»¹⁵.

Да, действительно «невозможно» внедрить уродливую (хотя и вполне понятную) феню, коей писан последний документ, в делопроизводство без ее укоренения в повседневном обиходе. Окончательно от украинизации производственных предприятий отказались только после войны, когда дебилизм такого подхода стал совершенно очевиден.

Украинизация системы образования благодаря титаническим усилиям наркома просвещения Николая Скрипника¹⁶, старого большевика и яркого националиста, была более успеш-

¹⁴ Савенко А.И. «К вопросу о самоопределении населения Южной России» // <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/003a/02110001.htm>

¹⁵ <http://www.edrus.org/content/view/2872/69/>

¹⁶ Скрипник Николай Алексеевич (1872–1933 гг.) – советский политический деятель, член ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета народных комиссаров УССР, нарком просвещения, один из активнейших украинизаторов. Курировал вопросы орфографической реформы украинского языка. Советская система украинского правописания, утвержденная в 1928 г. даже получила в честь него прозвище скрипниковка. В конце своей политической карьеры в период сворачивания интенсивной укра-

ной. Во-первых, потому что система всеобщего начального и среднего образования создавалась впервые в советское время. Во-вторых, альтернативные русские школы просто закрывались. Либо учишься на укра-мове, либо оставайся дураком. Конечно, преподавание всех предметов на украинском было невозможно в принципе – как по-украински преподавать алгебру, химию или астрономию, особенно если не существует укра-мовных учебников? Но на первых порах достаточно было того, что детей учили новоязу и преподавали украинскую литературу. В школьный курс был даже введен такой предмет, как украиноведение. Но даже украинизация школы не привела к «вживанню цей мовы в жите». Выходя из школы, дети, разумеется, общались на своем природном языке – в городах на русском, в селах на малороссийском наречии.

Украинизации в сфере образования придавалось большее значение, ведь фактически для превращения миллионов людей в украинцев еще не было нужного числа украинизаторов. Подготовить их должна была украинская высшая школа. Поэтому в этой сфере укра-националисты преследовали русский язык куда агрессивнее, нежели самые матерые прибалтийские шовинисты сегодня. Вот что пишет о реалиях тех дней Елена Борисенко в своей книге «Феномен советской украинизации»: *«Директор Украинского института лингвистического просвещения в Киеве И.М. Сияк (галичанин по происхождению) запрещал говорить в институте на русском языке. Над студентом Ивановым, продолжавшим говорить по-русски, по инициативе директора был проведен общественно-показательный суд, после чего студента исключили из института... Рублев и Черченко подчеркивают, что Сияк руководствовался благими целями развития украинской культуры, и исключение было целиком оправдано».*

Сегодня редко вспоминают о том, что украинизация проводилась помимо Украины еще и в РСФСР (Кубань, Ставропольский край, часть Северного Кавказа, Курской и Воронежской областей). Но там она вообще никакого результата не дала. И слава Богу, иначе сегодня географической реальностью была бы украино-грузинская граница. Одновременно украинские власти выдвигали территориальные претензии к РСФСР, требуя включения в состав УССР значительной части Курской, Воронежской, Брянской областей. Главным лоббистом территориальных приращений был «гетман» советской Украины Лазарь Каганович. В 1925 г. состоялся пересмотр границ, однако аппетиты официального Харькова были удовлетворены лишь в самой малости.

В 30-е годы обороты украинизации были снижены, кое-где ее вообще прекратили. Методы советской украинизации в целом были теми же, что и сегодня на «незалежной» Украине, однако нынешние украинизаторы действуют более маниакально и настойчиво. В ССР никому и в голову не приходило, например, украинизировать медицину. Нынешние же «мовознавцы» перевели на укра-мову даже латинскую и греческую терминологию. Чтоб им попасть на стол к хирургам, которые будут проводить операции, листая русско-латинско-украинский словарь! Враз запомнить, что аммиак теперь следует называть «смородэць», а бактерициды называются «палычковбивныкы», невозможно. Укра-идиотизм бьет все рекорды. Я еще могу понять, когда украинизируются «зросийщенные» термины, но на кой черт нужно было заменять слово «эксгумация» на «труповыкоп»?

Энергичная украинизация происходила в 1939–1941 гг. на присоединенных западных территориях, но в этом случае от нее пострадали не только русские, но и поляки, которые во времена оные украинство придумали. Во время германской оккупации фанаты украинизации вновь оказались востребованы, однако даже оккупационным властям не удалось вытеснить из делопроизводства русский язык. К счастью после войны украинизация не получила второго

изации подвергался нападкам, обвинялся в националистическом уклоне и даже во вредительстве в языкознании. Не выдержав политического давления, покончил с собой. В том же 1933 г скрипниковская система правописания была отменена как «националистическая» и излишне засоренная полонизмами. Искусственность и уродство скрипниковской реформы действительно резало глаз и ухо. Например, ее отличительной особенностью было массивованное замещение буквы «ф» на «т». Вместо «кафедра» надлежало произносить и писать «катедра».

дыхания во многом потому что самые ярые украинизаторы либо удрали с немцами, либо отправились в Сибирь отбывать срока за пособничество оккупантам. Единственный крупный случай этноцида¹⁷ – ликвидация после присоединения Закарпатья такой национальности, как русины, которых переписали украинцами и заставили учиться в украинских школах. Гонения на русин начались сразу после присоединения к ССР Галиции в 1939 г. Однако до сих пор русинское самосознание живо, не смотря на то, что карпаторуссы не имеют такой же возможности оказывать культурное сопротивление украинизации, как русские.

Наконец после кратковременного хрущевского ренессанса украинизации наступает четвертьвековой декаданс украинства. Нет, насильственная украинизация вовсе не сменилась насильственной русификацией, как о том стенают сегодня укро-националисты. Просто совершенно естественным образом искусственно созданная мова стала издыхать. Если есть выбор – купить русскую или украинскую газету, то, разумеется, человек купит ту, что ему более понятна и интересна. А с литературой и того проще: по приказу ЦК КПУ можно накопать на мове песню в честь очередной годовщины Октября и забить ею эфир. Но создать по распоряжению свыше украинского Высоцкого или Визбора нельзя. Как невозможно директивным порядком заставить писать на мове литераторов, для которых украинский язык не был родным. Украинская советская литература чрезвычайно бедна. Я даже затрудняюсь припомнить не то что гениального, а хотя бы просто талантливую укро-мовного автора, достойного того, чтобы его творения переводились на другие языки народов ССР. Даже сегодня поставь русский и новоукраинский языки в равные условия, и последний не будет иметь никаких шансов на выживание.

В итоге совершенно естественного упадка украинства даже для «потомственных украинцев» родным языком вновь стал русский. Украинская мова стала превращаться в мертвый официальный новояз, который население понимало, но пользовалось в «житти» все меньше и меньше. На востоке УССР разговорным языком стал суржик – диалект русского языка с малороссийским акцентом и произношением. На западе республики в повседневном обиходе сельских жителей господствовали местные диалекты, весьма отличные от мертворожденной языковой нормы. Появился даже такой феномен, как русскоязычные украинцы. Спрашивается, что же в них украинского, кроме пятой графы в паспорте?

Надо сказать, при советской власти этническая статистика подавалась совершенно произвольно, в прямом смысле слова высасывалась из пальца. Доходило до смешного: по переписи 1926 г. официально украинцами числилось 80 % жителей УССР. После энергичной украинизации и присоединения, казалось бы, сугубо украинских западных областей в 1939 г. удельный вес представителей «титупной» нации должен вырасти. Однако на деле он зафиксирован на уровне 76 %. Хороший повод для нынешних укро-пропагандистов постенать о геноциде украинского народа москалями-большевиками, уморившими голодом носителей украинского генофонда в 33-м.

Никем не оспаривается тот факт, что две трети 52-миллионного населения республики были на исходе 80-х «русскоязычными». Поскольку родной язык есть основной признак этничности, численность украинцев в УССР, если вычесть из оставшейся четверти татар, белорусов, евреев, поляков, русин и представителей других народов, не могла превышать 15 миллионов человек. На деле же украинцев было еще меньше, если учесть, что в республике было широко распространено двуязычие и суржик, который тоже считался за украинский.

Сергей Родин в запрещенной на «незалежной» книге «Отрекаясь от русского имени» так комментирует эти статистические казусы: *«Сразу же после всесоюзной переписи 1989 г. в газете «Вечерний Киев» была опубликована статья, сообщающая, что население Киева составляет 2 млн. 572 тыс. при 1 млн. 472 тыс. русских и 856 тыс. «украинцев». Но уже через год эта же*

---

¹⁷ *Этноцид* – политика уничтожения этнической или национальной идентичности, самосознания народа.

газета переиздала данную статью с совершенно иными цифрами; из 2 млн. 572 тыс. киевлян «русских» – 472 тыс., а «украинцев» – 1 млн. 856 тыс.(!). Так под начавший процесс дерусификации «матери городов Русских» был подогнан необходимый статистический базис.

Примечательно, однако, то, что данные переписи 1989 г. в целом по Украине так и не были опубликованы. Их «засекреченность» легко объяснима: перепись четко зафиксировала, что из 52 млн. «украинского населения» русскими только по паспорту оказались 21,6 млн. человек (а не 11,6 млн., как утверждал Горбачев). При этом еще 6,5 млн. назвали себя русскими, хотя в их паспортах значилась национальность «украинец». К ним следует добавить около 1 млн. русинов, итого русских даже по советской переписи получается почти 30 млн.! Но и эта цифра, безусловно, занижена»¹⁸.

Еще дооранжевые власти Украины объявили украинцами 77,82 % всего населения государства, ссылаясь на данные переписи 2001 г. Подводить серьезную «научную» базу под эту статистику потребовалось в политических целях. Кто теперь посмеет обвинить Украину в этноциде? По принятым сегодня нормам международного права мононациональным считается государство, где численность «титульной» нации превышает две трети от общего числа граждан. А коли русских в «незалежной» официально числится всего 17 %, то никаких оснований требовать предоставления русскому языку статуса государственного эти нацмены не имеют! Но факт состоит и в том, что подавляющее большинство тех, кто причисляет себя к украинцам, родным языком считает русский. В 2000 году 67 % опрошенных киевлян назвали родным языком украинский, но лишь 18 % указали его как язык повседневного общения. Это, прямо скажем, не очень впечатляющий результат полуторавековой украинизации и двух веков украинофильства.

---

¹⁸ <http://lib.rus.ec/b/146317>

Украинский учебник истории создает киборгов

Отец Германской империи Отто фон Бисмарк констатировал, что для построения государства важнейшими являются не сила оружия, а школьный учитель. То же самое он сказал и о победе над Францией в 1871 г. – ее одержал не германский штык, а германский учитель. Его слова часто цитируются, но воспринимаются как красивые образы – мол, школа имеет ого-го какое значение, сам Бисмарк любил говаривать, что... Между тем его слова следует воспринимать совершенно буквально. Именно школа рождает гражданское самосознание, и начальное историческое образование играет в этом деле главную роль.

Школа в буквальном смысле воспитывает солдат, формирует у них вполне определенную картину мира: есть ценности, которые следует защищать (государство, религия, этничность, экономические интересы) есть идеал, к которому следует стремиться (царство Божие на земле, победа коммунизма, создание великой...ской империи) и есть образ врага, который исповедует иные ценности, преследует противоположные цели и т. д. Особенно выпукло рисуется в школьных учебниках враг исконный, исторический, вечный. Ознакомившись с национальным учебником истории, можно легко понять, с кем государство собирается воевать – образ врага там всегда прорисован ярче, чем образ друга. Вот и давайте полистаем украинские школьные «довидники».

Еще до прихода к власти оранжистов на вооружение укро-пропагандистов в 2004 г. поступили новые школьные учебники, имеющие ярко выраженную антирусскую направленность. Даже Крым, оказывается, проклятые москали отдали украинцам из подлости: *«Включение Крымского полуострова в состав Украины было попыткой переложить на ее плечи моральную ответственность за выселение татарского населения и вынудить взять на себя ответственность за восстановление хозяйственной и культурной жизни полуострова»*. Эти слова почти дословно воспроизводят строки из учебника «Новая и новейшая история Украины» 2001 г. (авторы Турченко, Панченко, Тимченко), правда, там речь шла лишь о «части моральной ответственности».

В этом же «довиднике» провозглашается, что Киевскую Русь основали украинцы. Но еще четырьмя годами ранее в пропагандистский оборот был введен учебник истории для 7 класса (авторы Смолий и Степанков), в котором рассказывается о княжеской династии Киевичей, родоначальником которой якобы был мифический персонаж Кий.

Голодомор 1932–1933 годов, по версии авторов учебника, был организован Москвой специально, чтобы «подавить волю украинцев к независимости». Правда не понятно, почему в то же время голод случился в Поволжье, на Кавказе и Урале – видимо для уничтожения украинской «диаспоры». Хотя если верить этому учебнику, Северный Кавказ – украинская земля, но подвергнутая русификации. А уж «воля к независимости» у украинцев, разумеется, всегда была в крови. Это доказывает то, что украинцы приняли первую в мире Конституцию (речь, разумеется, идет о соглашении Орлика со шведским королем и турецким султаном).

Но самый удивительный перл сочинителей относится к периоду Второй мировой войны: дескать, Украинская повстанческая армия под руководством Степана Бандеры в 1943 г. «освободила от немцев большинство городов Украины». Впрочем, и тут авторы учебника Америку не открыли, а всего лишь перепели Власова и Данилевскую, сочинивших учебник для 5-го класса, изданный в 2002 г. Не совсем, конечно, ясно, как Бандера мог руководить освобождением городов Украины от немцев, находясь в немецком концлагере (хоть и с курортным режимом), да и названия этих городов почему-то не приводятся. Зато поле для фантазий на тему героических бандеровцев открывается практически неограниченное, поскольку «советско-германская война», как укро-историки именуют Великую Отечественную, остается за рам-

ками школьного курса – ей отведено буквально несколько страниц, из которых большая часть посвящена пропаганде виртуальных повстанческих побед.

Если сравнить русские и укро-мовные учебники истории, то поражает их отличие. Например, во втором случае выражение «Киевская Русь» почти не встречается, будучи замененным на «Киевскую Украину-Русь», «Киевскую державу», «Украинскую державу». Если русские учебники истории Украины начинаются с периода Киевской Руси («История Украины» 7-й класс, 2007 г., авторы Свидерский, Ладыченко, Романишин), то укро-мовные оперируют уже совсем иными хронологическими категориями. Учебник для 7-го класса 2005 г., сочиненный Ляхом и Темировой начинается со слов, что история украинского народа насчитывает 140 тысяч лет.

Украинизация школы проводится ударными темпами. Будучи в конце 2009 г. в Киеве, я попытался найти на книжном базаре школьные учебники истории Украины на русском языке. Продавцы искренне удивлялись: «А зачем они вам, если в Киеве русских школ уже нет? Вы, наверное, из Крыма?» Вместе с русскими учебниками уходят и последние представления о родстве украинского и русского народов. Впрочем, это представление, порожденное украинофильской пропагандой XIX в. (Костомаров) является переходным от украинофильства к чистому арийскому украинству (Духинский), и потому отказ от него был вопросом времени. Но чем отличаются украинизированные учебники, так это тем, что укро-история становится совершенно виртуальной. Как можно говорить об истории украинского государства в период от неандертальцев до XX в., когда такового государства не существовало, как не существовало и идеи его создания? Но этот вопрос для укро-историков вопросом не является. Они с апломбом рассуждают о том, что название «Русь» официально сменяется названием «Украина» еще в XII в., правда Лях и Темирова никак не могут объяснить произошедшее аж в XIV в. вытеснение топонима «Украина» какой-то непонятной «Малой Русью». Откуда взялась Малая Русь в отсутствие Руси Большой, ведь, по мнению авторов учебника на восток от Украины никаких русских не было, а жили там москвиты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.